

Владимир Ушаков

Amor

Владимир Ушаков

Amor

«Издательские решения»

Ушаков В.

Амор / В. Ушаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901088-9

Всё это было на самом деле. В воспоминаниях автора, его друзей и коллег по работе, в СССР, в Африке, в Испании и на Кубе, с юными и зрелыми. Мелодраматические новеллы, сатирические и юмористические рассказы-зарисовки в стиле Зощенко пронизаны чертами ушедшей эпохи: описанием советских порядков, предостерегающих от «нежелательного поведения», горьким и сладким привкусом российского быта. Но главным элементом книги, которую вы держите в руках, так или иначе является любовь во всех её проявлениях.

ISBN 978-5-44-901088-9

© Ушаков В.
© Издательские решения

Содержание

Амор	6
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Амор

Владимир Ушаков

Дизайнер обложки Алеся Резникова

© Владимир Ушаков, 2017

© Алеся Резникова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4490-1088-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Амор

По проходу идет фигуристая стюардесса с маленьким подносом в руке. На нем стакан с соком. Самолет делает крен, стюардесса теряет равновесие, слегка облокачивается о плечо молодого человека в светлом костюме.

– Ой, простите, – Она заботливо разглаживает пиджак на его плече.

– Ничего... – Владимир ей любезно улыбается.

Стюардесса идет дальше. Владимир смотрит ей в след. Его взгляд перехватывает сосед через проход.

– Первый раз на острове Свободы? Там будут экземпляры поаппетитнее...

Владимир пожимает плечами, опускает голову к газете... Пассажир понимающе улыбается, удобнее устраивается в кресле, прикрывает глаза.

Владимир отрывается от газеты, смотрит в иллюминатор самолета на проплывающие внизу облака. В его воспоминаниях они превращаются в Политическую карту мира на стене кабинета в Главном Управлении кадров Министерства Обороны СССР...

Владимир в новенькой военной офицерской форме с погонами лейтенанта и еще четыре таких же, как и он, переводчика сидят в коридоре у кабинета с номером 327. Из кабинета с номером 329 выходят три молодых парня, но уже старшие лейтенанты. Они пунцовые от волнения, но довольные с интересом рассматривают медали на груди друг у друга. Один из лейтенантов встает с дивана, догоняет уходящих награжденных и что-то у них спрашивает. Возвращается к своим коллегам и радостно сообщает им только что узнанное.

– Это переводчики, – говорит его приятель по выпуску Бабаян, – Во Вьетнаме воевали ребята. И вот, они награждены медалями «За отвагу».

Молодые лейтенанты с восторгом смотрят вслед геройским коллегам. В это время дверь кабинета открывается и в приемную выходит лейтенант Корецкий. Он бледен. Владимир бросается к нему:

– Ну, что, Юра? Все в порядке?

– Резолюция: оставить пока без назначения.

Владимир оборачивается к двери, из кабинета доносятся голоса...

– Кто-то доложил, как мы звездочки лейтенантские бурно обмывали... и мне так ничего конкретного и не сказали. Сказали только ждать, ждать решения...

В кабинете, где проходит выездная комиссия во главе стола сидит генерал-лейтенант, справа от него копошится в бумагах генерал-майор и слева от него расположились генерал-майор и два полковника.

– Кто следующий? – спрашивает громадный генерал-лейтенант.

Полковник смотрит в папку:

– Лейтенант Ершов. Тоже из Военного института иностранных языков.

– Приглашайте. А Корецкий пусть пока поработает в Москве с делегациями. Посмотрим, как он будет себя вести.

В приемную выглядывает полковник и приглашает на комиссию Владимира. Ершов входит в кабинет. Он хочет было сделать несколько строевых шагов, но кабинет маленький, и он, сделав только один шаг, встает около свободного стула.

В этот момент генерал-майор отвечает генерал-лейтенанту:

– Так точно. До границы еще дорости надо.

Генерал-лейтенант кивает, берет личное дело, которое кладет перед ним полковник и читает фамилию на обложке. Смотрит пристально и внимательно на Владимира.

– Товарищ генерал-лейтенант, лейтенант Ершов на заседание выездной комиссии прибыл.

– Садитесь, товарищ лейтенант.

Генерал-лейтенант открывает папку, просматривает ее содержимое. Владимир садится на краешек стула. Генерал-лейтенант листает личное дело лейтенанта, показывает запись в личном деле генерал-майору. Тот читает, водя пальцем по тексту. А по виску Владимира стекает капелька пота. Генерал-лейтенант удовлетворенно кивает головой, передает личное дело генерал-майору слева, тот внимательно его изучает.

– Товарищ лейтенант Ершов. Мы хотим направить вас на Кубу. Как вы на это смотрите?

Владимир вскакивает со стула.

– Есть ехать на Кубу! Я согласен.

Генерал-майор слева передает папку генерал-майору справа. Тот улыбается.

– Товарищ лейтенант!

Владимир вытягивается по стойке «смирно».

– Вы, – хриплым, стальным голосом, но доброжелательно говорит ему генерал-лейтенант, – направляетесь в качестве военного переводчика испанского языка в служебную командировку на Кубу. На два года

– Есть!

Генерал-лейтенант берет у генерал-майора отпечатанное назначение.

– Как? Не подведете нас?

Золотое перо зависает над назначением...

– Никак нет! Не подведу.

Генерал-лейтенант удовлетворенно хмыкает и размашисто подписывает назначение.

– Вопросы к нам есть?

Назначение подписывают и генерал-майоры.

– Никак нет.

– Вы свободны, товарищ лейтенант.

Владимир четко поворачивается кругом, выходит из кабинета. Полковник идет вслед за лейтенантом приглашать следующего.

Владимир смотрит на проплывающие внизу облака. Кто-то трогает его за локоть. Владимир оборачивается. Это сосед. Он дружелюбно улыбается, протягивает руку.

– Здравия желаю! Будем знакомы. Иван Иванович. Прохоров. Капитан царицы полей. Военспец, так сказать.

Владимир подозрительно изучает его, но все-таки привстает со своего кресла.

– Владимир Максимович Ершов.

Соседи пожимают друг другу руки.

– Очень приятно. Вы не будете возражать, если я к Вам пересяду?

– Пожалуйста. Садитесь.

Прохоров бросает взгляд вдоль прохода, достает из сумки плоскую бутылку коньяка, лимон, пластмассовый выдвижной стаканчик, встает и пересаживается вместе с сумкой на свободное место рядом с Владимиром. Эффектно махнув рукой, Прохоров раскрывает стаканчик, ставит его на откидной столик, наливает в стаканчик коньяк. Владимир неодобрительно наблюдает за его действиями. Прохоров понимает его взгляд.

– По маленькой. За знакомство! Нам столько лететь! Выветрится! По чуть-чуть. А, Владимир Максимыч? Или сразу будем на «ты»?

– Товарищ капитан...

Владимир нерешительно берет стаканчик. Навязчивость соседа его настораживает. Но Прохоров коротким жестом останавливает его, отрезает от лимона дольку, посыпает ее из солонки сахаром. Владимир берет дольку.

– Давайте, будем на «ты». Спасибо. Будем знакомы.

Владимир выпивает коньяк, закусывает его лимончиком. Прохоров морщится в предвкушении его реакции. Владимир щурится от лимона. Прохоров удовлетворенно смеется, наливает себе.

– Итак. Первый раз на Кубу?

Прохоров выпивает, с удовольствием закусывает лимончиком.

– Первый.

– Переводчиком, лейтенант?

Владимир удивлен, подозрительно смотрит на собеседника, Прохоров хмыкает, улыбается.

– Все нормально, товарищ лейтенант. Это опыт. За эти годы я много вашего брата повидал...

Прохоров нарезает лимон, наливает в стаканчик «по второй».

– Между первой и второй перерывчик небольшой. А я из отпуска лечу. Преподаю кубинцам практику владения нашим современным вооружением. Предаем им наш опыт. Так выпьем за полет. Чтобы долететь. Благополучно.

Прохоров кивает на проплывающие внизу облака:

– Давай, Володя, расслабимся немножко. Я высоты с детства боюсь.

Владимир берет стаканчик, выпивает. Прохоров наливает себе, выпивает. Прохоров слегка разомлел:

– Куба-то здорово! Красивая страна. Хорошие люди. Нас, русских очень любят. Особенно военных. Где будете служить?

– В аппарате Военсоветника.

– Ух, ты! Неслабо, однако. Значит, жить будете в престижном районе «Репарто Коли», где раньше кубинская аристократия...

Прохоров потягивается, смотрит вдоль прохода, по которому к нему движется стюардесса, предлагая пассажирам прохладительные напитки.

– А где служите Вы? Как там сейчас обстановка на Кубе?

– Служу под Гаваной. А живу недалеко от Вас. Сейчас...

Прохоров не успевает договорить. Стюардесса с подносом в руке наклоняется к нему.

– Что желаете: лимонад, минералка, сухое вино?

– Два винца и минералочки тоже две, хозяйюшка.

Стюардесса дежурно улыбается, дожидается пока Прохоров возьмет с подноса стаканчики, затем следует дальше. Прохоров и Владимир выпивают вино, в освободившиеся стаканчики Прохоров вновь наливает коньяк. Снова режет лимон.

– Готовить-то умеете? – спрашивает Прохоров Владимира.

– Яичницу с колбасой и чай...

Владимир пытается отказываться от протянутого стаканчика, но Прохоров даже слушать ничего не хочет.

– Научишься и готовить, и стирать, и гладить, и вести себя в коллективе, окрепнешь, закалишься. Матушка тебя встретит, не узнает и не нарадуется. Давай теперь по граммулечке за дружбу? Давай будем дружить!

– Я—за!

Прохоров протягивает Владимиру лимон, сам запивает минералкой.

– Друзей здесь приобретешь на всю жизнь. Первого, можно сказать уже имеешь. Друг другу помогать будем. Я тебя кой-чему научу. И хочу сразу тебя предупредить. Извини за откровенность, но смотри, будь осторожен в высказываниях. Лишнего не болтай! Чтoб не испортить себе жизнь в будущем.

Владимир настороженно смотрит на Прохорова, тот, захмелев, продолжает его учить жизни.

– Могут тебя попросить и «стучать» на своих коллег. Ну не смотри ты на меня так! Мол, туда-сюда, служба, враг не дремлет. Я тебя научу, как поступать в этом случае. Скажи, что ты ночью, мол, разговариваешь. Во сне. От тебя и отвяжутся. Проверенное средство.

– Неплохо придумано.

– Уловил! Тогда давай выпьем!

– А как служба идет? Как кубинцы? Что за народ?

– Служба как служба. С кубинцами живем душа в душу. Учим их военному делу и русскому языку. Я уже и ругаться по-кубински умею, а кубинцы по-русски. Я даже петь по— ихнему могу.

Прохоров наклоняется ближе к Владимиру, сжимает в приветствии кулак и тихо поет:

– «Куба! Ке линда эс Куба. Къен ла дефъенде ла къере мас! Куба! Ке линда эс Куба. Къен ла дефъенде ла къере мас!» Как? (Куба! Какая ты красивая, Куба! Кто тебя защищает, тот тебя любит еще больше!)

Владимир смеется, показывает большой палец.

– Все понятно. И произношение приличное.

– Во-во! Они наше слово «давай» очень любят. Чуть что, «Иван, давай!». И слово «молоток» им очень нравится. «Иван, ты молоток!», «Давай, молоток!». Увидят кубинку, обязательно подтолкнут: «Отличная чувиха! Давай, Иван, клей!».

Прохоров смеется, над ним снова нависает стюардесса с подносом, укоризненно на него смотрит, подносит палец к губам, указывает глазами на спящих соседей. Прохоров понимающе кивает, ставит на поднос пустые стаканчики. Когда стюардесса удаляется, он наклоняется ближе к Владимиру.

– Я по-кубински уже много понимаю. Во всяком случае, уже практические занятия могу вести с кубинцами один. Без переводчика иногда управляюсь. Ведь на всех специалистов переводчиков не хватит. На Кубе сто переводчиков, а все равно на всех не хватает.

Владимир улыбается, смотрит в иллюминатор на проплывающие внизу облака, что-то там замечает, поворачивается к Прохорову, но тот уже дремлет. Владимир снова смотрит в иллюминатор и не может сдержать улыбку...

Владимир вспоминает, как его собирали его на Кубу. Громче и шустрее всех была, конечно, его дорогая сестричка, юркая восьмиклассница Юлия.

– Посмотрите-ка на эту «смерть носильщикам» или «мечту оккупантов».

Юлия тащит чемодан. Владимир смотрит на сестру осуждающе. И грозит ей пальцем. К ней на помощь спешит мама Владимира, Мария Александровна.

– Ставь сюда. На диван.

Мама открывает чемодан, начинает складывать в него под белье буханку бородинского хлеба, батоны копченой колбасы, банки с тушенкой, обернутые в целлофан. Отец кладет в него еще и пакет с семечками, и банку «Бычки в томатном соусе».

– Папа, – хочет удержат отца сын, – все это отберут таможенники, а семечки – в первую очередь.

– Ничего-ничего, мама продолжает втискивать в чемодан консервы, – Не отберут. Это на первое время. Ты же их любишь.

Владимир обреченно вздыхает и затягивает лямки чемодана.

Брат и сестра беседуют наедине в комнате Юли.

– Мне Муза нее звонила?

– За час до твоего прихода.

– Да ты! Ты бьешься, бьешься как рыба об лед, а она тебя элементарно игнорировала. И вдруг в ней к тебе такая пышная любовь пробудилась.

– Заткнись! Много ты понимаешь! Приеду в отпуск и на ней женюсь. Тебя не спрошу. Я сам знаю, любят меня или нет.

– Сам ты ничегошеньки не понимаешь. Не мыслишь и не видишь. Крутит она тобой. А ты дурак. У тебя просто большое самолюбие. Хочешь добиться благосклонности, а от тебя просто деньги хотят получить, на сертификаты желтополосые разводит. А любовью здесь и не пахнет. Ты просто пентюх, братец, лопух и простофиля. Да и ты сам ее не любишь. Так, привык. Так не любят!

– Как-нибудь без тебя во всем разберемся! Ладно, сестричка?

– Разбирайся, разбирайся. Да только поздно будет! Я с тобой, Вовка, своим чутьем, своей интуицией делюсь. Я просто всеми фибрами своей души чую.... А ты...

– Слушай, Юлька, прекрати. Я и так весь на нервах с этим отъездом, да еще ты тут ноешь, ноешь. Отстань!

– Потом пожалеешь! Еще как пожалеешь, что опытную женщину не послушал.

– Ну, ты, опытная женщина. Я от тебя уже устал. Отвали! Все зудишь, зудишь....

– Все! Да кому ты нужен, чтобы зудеть тебе. Собирайся! Тебе же добра желают. Как-никак я тебе не чужой человек, а сестра. Кровинушка твоя родненькая! Не буду тебе мешать! Звони своей ненаглядной Музочке-Пузочке!

Юля в расстройстве чувств выбегает из комнаты и хлопает за собой дверь. Владимир подсаживается на кресло к телефону.

Самолет «Ту-114» с треском выпускает шасси. Владимир в иллюминатор созерцает открывшийся ему внизу дивный пейзаж: зеленые луга, большие озера и маленькие прудики, белые длинные пальмы, изгороди, деревянные домики и потом большие дома Гаваны. Самолет идет на снижение.

– Красотища! – восторгается Владимир.

– Это первое впечатление, а оно, как утверждает, какой-то не помню, классик, самое верное.

Владимир втискивается в иллюминатор. Самолет мягко приземляется и, слегка подпрыгивая, подруливает к месту стоянки. Заурчал, еще немного проехал вперед и остановился, как вкопанный. Пассажиры захлопали в ладоши летчикам в благодарность.

На ветру полощутся на ветру кубинские флаги: один бело-синий с одинокой звездой, а другой красно-черный.

Одним из первых Владимир спускается по трапу. В одной руке у него сумка, в другой – плащ-болонья. У трапа оживленно беседуют между собой кубинские пограничники.

– Добрый день.

Пограничники перестают разговаривать, молча рассматривают Владимира. И вдруг все заулыбались.

– Ну, здравствуй, свободная Куба, первая социалистическая страна в Америке.

– Здравствуйте, товарищ.

Следом за Владимиром спускается Прохоров. Он по-кубински приветствует пограничников.

– Салуд, компаньрос!

– Буенос диас, компаньеро! – отвечают пограничники.

Владимир и Прохоров с другими пассажирами идут к зданию аэропорта и проходят паспортный контроль. Сотрудница берет паспорт Владимира, листает его, сличает фотографию Ершова с оригиналом. Прохоров подмигивает Владимиру, мол, обратил внимание, какова? Владимир краснеет. Сотрудница паспортного контроля смачно шлепает штемпелем и безразлично смотрит на Владимира чарующими карими глазками. Одарив сотрудницу широченной улыбкой, Прохоров подает паспортистке свой паспорт.

– Проходи уж!

Владимир видит свой чемодан на движущейся ленте транспортера.

– Помощь не требуется?

– Ничего, я уж как-нибудь сам.

С трудом Владимир снимает чемодан с ленты. У Прохорова оказывается тоже очень внушительных размеров чемодан, но поменьше чем у Владимира. Владимир водружает чемодан на стол таможенника для досмотра.

В таможенный контроль аэропорта влетает высокий парень в национальной кубинской рубашке-гуаявере. Он внимательно окидывает толпу прибывших пассажиров, слушает раздающееся в этот момент по радио объявление о прилете и уверенно направляется через служебный проход прямо к стойке таможенного контроля, у которой стоит Владимир. Не доходя несколько шагов до стойки, парень громко приветствует таможенника.

– Привет, Альфредо! Как дела?

– Хорошо, товарищ.

Таможенник кивает головой в сторону Владимира.

– Это твой?

– Мой. Я его забираю. О'ка?

Таможенник щелкает указательным пальцем о средний.

– О'ка!

Владимир берется за ручку чемодана, но таможенник неожиданно кладет на него руку.

– Товарищ, семян, фруктов нет? – спрашивает для проформы таможенник, даже не глядя в сторону Владимира.

Владимир хлопает глазами.

– Нет, друг. Ничего нет. Ни семян, ни фруктов... – отвечает за него Анатолий.

Владимир кивает. Таможенник широко улыбается, хлопает по чемодану и машет рукой, чтобы его забирали. Анатолий с Владимиром оттаскивают чемодан от стойки.

– Владимир Максимович Ершов?

– Я из группы «встречи-проводы» аппарата Главного военного Советника, старший лейтенант Клочков Анатолий. Будем знакомы. С приездом! Как долетел, товарищ лейтенант?

– Нормально.

– Я тебя сразу вычислил. Нашего брата, переводчика, за версту видно. Наши спецы и советники все в черных костюмах, а ты в светлом. Во-первых, это показывает, что ты москвич, а во-вторых, что настойчивый, выбил себе-таки на складе приличную одежку. Я не прав?

– Правы!

Анатолий замечает в зале Прохорова, направляющегося от магазина «Дьюти фри» к очереди на таможенный досмотр, подзывает его рукой и приветствует.

– Ты вот в костюмчике светленьком, а вот Прохоров...

Анатолий кивает в сторону Прохорова.

– Специалисты и советники почти все как один в черных, фабрики «Большевичка» прибывают. А ты в импортном. И ботинки у тебя, наверное, французские? А шляпа где?

– Дома оставил. Что я на Кубе в шляпе ходить буду?

– И правильно сделал. Здесь наши в шляпах не ходят. За исключение некоторых придурков. Сигареты у тебя есть?

– Есть. А что?

– Дайка мне две-три пачечки.

Владимир достает из сумки блок «Явы», отдает четыре пачки Анатолию. Анатолий одну пачку небрежно опускает себе в нагрудный карман гуаяверы.

– Одну конфискую. За качественное обслуживание.

Анатолий подходит к таможеннику, протягивает ему три пачки.

– Альфредо, это тебе.

– Спасибо, брат.

Альфредо смахивает сигареты выдвинутый ящик стола. Анатолий кивает на Прохорова.
– Это тоже мой.

– Забирай своих вояк!

Анатолий машет Прохорову, тот спешит к Анатолию, они тепло и радостно здороваются. Все вместе направляются к выходу из аэропорта. Анатолий помогает Ершову нести его чемодан. Переводчики выходят из аэропорта. Анатолий видит, что ему машет рукой какой-то тип в легкой цветастой рубашке, суетящийся у белого «Москвича». Анатолий, приветствует его, как бы козыряя.

– Это тоже наш человек?

– Наш. Только не совсем наш. Это Костя Дымоховский. Из ГКЭСа, из аппарата Экономсоветника.

Прохорова встречает на «ГАЗике» кубинец. Капитан прощается с Анатолием и Владимиром.

– Увидимся, Володя! Я тебя разыщу!

– Хорошо. Буду ждать.

Владимир и Анатолий заталкивают чемодан Ершова в «Москвич». Анатолий запирает багажник и двери машины, обнимает Владимира, ведет его обратно к аэропорту. Прохоров уезжает.

– Пойдем, быстренько выпьешь чего-нибудь. Небось, с дороги все внутри пересохло?

Около стойки Анатолий машет бармену.

– Привет, Андрес!

Анатолий садится на высокий круглый стул, указывает Владимиру на стул рядом.

– Что будешь пить? Ром? Мартини?

Владимир пожимает плечами. Анатолий обращается к бармену:

– «Пепси» ему! Плиз! Грасиас!

Бармен быстро Анатолий изучает округлившиеся глаза Владимира, хлопает его по плечу.

– Пиво здесь на Кубе отличное. По чешскому рецепту. Наше «Жигулевское» ему в подметки не годится.

– Я бы водички...

Владимир неловко усаживается на узкий, непривычный стул у стойки.

Анатолий машет бармену:

– Одно пиво и один освежающий напиток.

Бармен кивает, быстро ставит на стойку пиво, ждет уточнения заказа. Анатолий объясняет Владимиру:

– «Рефреско» – освежающий напиток. Ты какой рефреско хочешь? «Пепси»? «Колу»? «Лимонный» или «Содовую»?

Бармен ставит на стойку две охлажденные, потные бутылки с «Пепси-Колой». Анатолий открывает бутылки. Владимир, глядя на Анатолия, пьет прямо из бутылки. С непривычки у него от холода и пузырьков перехватывает горло.

– Пей небольшими глотками, а то вмиг ангину заработаешь. Хочешь сигару?

– Я вообще-то не курю.

– Здесь закуришь! Бери! Это на халяву! Дают – бери, бьют – беги!

Анатолий вынимает из стоящей на стойке деревянной вазочки четыре сигары и засовывает их Владимиру во внутренний карман пиджака. Две сигары он опускает в боковой карман своей гуаяверы. Подмигнув по-приятельски бармену, Анатолий жестом благодетеля и широкой души человека приглашает Владимира на выход.

– Вуаля! Для каждого приезжающего один напиток или одна бутылка пива и одна сигара бесплатно.

Владимир похлопывает себя по карману:

– Но мы же...

– А кто их считать-то будет?

Анатолий извлекает из кармана ключи с симпатичным кубинским брелоком, открывает Володину дверцу, подкидывая и ловя на лету ключи, пританцовывая, посвистывая, обходит машину, открывает свою дверцу.

– Поехали, а то у меня еще много сегодня дел. Как говорится, рвут меня на части, а эти части еще мельче рвут.

Слева и справа мелькают яркие вывески и рекламные щиты. На газонах и обочинах дороги пальмы, олеандры и другие, неведомые до селя Владимиру, экзотические растения. Ветер лохматит Владимиру волосы. Он поправляет их, но они вновь рассыпаются. Позади остается стадион причудливой формы с лозунгом на фасаде «Готовы побеждать!».

Владимир вертит головой. Анатолий, откинувшись на сиденье, лихо накручивает баранку, покуривая. Из радиоприемника звучит мелодичная, веселая аргентинская песня.

– Сейчас я отвезу тебя в твой дом, в «Репарто Коли». Там наши советники и переводчики живут. Кстати, у тебя сосед, тоже переводчик. Олег Островский. Завтра утром к девяти нуль-нуль прибудешь в штаб части. Твой сосед объяснит, как туда пойти. Представишься в кабинете 3 подполковнику Рытову. Он личным составом ведает. Потом сдашь паспорт в канцелярию. Взамен тебе дадут, удостоверение личности, по-испански «Карнет де идентидад». И две фотки с собой взять не забудь. На удостоверение. Ясно?

– Ясно.

Вдруг они видят странную картину. На газоне стоит «ГАЗ-69», без пассажиров, с валяющимся рядом на земле отломанным левым передним колесом. Машина уткнулась носом в переломившуюся посередине от удара невысокую пальму. И тишина. Только мимо едут американские машины старых марок. Анатолий притормаживает, медленно проезжает мимо.

– Ничего себе! Наши что ли врезались?

Анатолий разглядывает происшествие в зеркало заднего вида.

– Не знаю. У наших и у кубинцев номера на военных машинах одинаковые. А почему ты сразу на наших подумал?

Владимир промямлил, смутившись:

– Не знаю... Так...

Машина несется по набережной. Владимир видит регулировщицу, провожает ее долгим взглядом.

– Ничего девочка.

– Это гаишница. Здесь такие девахи на каждом шагу! Их здесь называют которри́тас. Попугайчики, значит. За их зеленую униформу. Знаешь, гаишников во всем мире не любят, поэтому на Кубе многих женщин пригласили работать в ГАИ. Так сказать, облагородить отношения. Чтобы шоферы к ним лучше относились. И еще. На Кубе самый ненавистный цвет, знаешь какой? Зеленый! Потому что здесь четыре времени года, а все постоянно кругом зеленое. И трава, и растения. Весь год. Так что нам с тобой повезло, что у нас времена года в природе отличаются. Разнообразие!

Навстречу переводчикам летит битком набитый бортовой открытый «УАЗ». В нем одни парни сидят в обнимку на сиденьях, другие на борту, свесив с него ноги.

Из «УАЗика» разносится:

– Э-эх-х! Дороги-и! Пыль, д-да-а туу-ман, хо-ло-да-а тревоги!..

«УАЗик» скрывается за машинами.

– Шесть-восемь месяцев отпахали в море, в тропиках, без женщин и кондиционеров. Не так взвоешь!

Владимир оборачивается к Анатолию.

– Рыбаки. Пришли с промысла. Из рыбного порта едут в Восточную Гавану. Вон там они живут.

– Веселые ребятки!

– Не то слово. Гудят! Теперь до отлета в Союз расслабляться будут. Их экипажи самолетами меняют. А они, пьяные вдребезги, эти самолеты в полете прямо—таки раскачивают. С ними летать—то страшно. Но с этими парнями дружить нужно. У них отменная свежая рыбка имеется. В обмен на ром «Гавана-клуб» или «Бокарди». Сырой тунец, например, подсолёный. Строганина, называется. К пиву. Да к чему хошь. Идет только так! Потрясающе вкусно. Угощу как-нибудь. Кстати о наших рыбаках. Слушай хохму. Увязались тут три пьяных наших рыбака за одной хрупкой изящной кубиночкой. Сначала шутки шутили. Она им: «Отстаньте, полицию позову». А они кубинку до самого ее дома преследовали. И, пьяные морды, прямо в ее же квартиру за ней следом и вломились. Так она одним ударом самого здорового напрочь вырубил. Второго взяла болевым приемом на удержание. А третий, видя такое дело, в миг протрезвел и дёру дал. Тут, к счастью, военный патруль кубинский проезжал. Всех троих и повязали. Хотели кубинским судом их судить. А наше посольство говорит: «Отдайте их нам. Они у нас в Союзе как миленькие лет восемь будут сидеть за попытку изнасилования, да еще и за границей». Но кубиночка эта, она оказалась из кубинской спецслужбы, как узнала, что нашим парням светит, сразу забрала свое заявление: «Я – говорит, – их прощаю. Они, – говорит, – пьяные были и не соображали, что делают и с кем связались. Я и так одному нос сломала, а другому руку вывихнула. Хватит, – говорит, – с них!». И простила. Сердобольная.

Володя берет из бардачка пачку кубинских сигарет.

– «Лихерос». Легкие, называются. А на самом деле, какие они к лешему легкие. Мы их «противозачаточными» назвали.

Машина с переводчиками подъезжает к двухэтажному, утопающему в цветах особняку. Порхают колибри. На веранде перед домом два кресла-качалки.

– Приехали.

Анатолий выходит из машины, достает из-под коврика ключ, открывает дверь. Затем помогает Владимиру втащить в дом чемодан. В холле, слева от входной двери около высокой клетки сидит на жердочке большой белый попугай «Ара» с здоровенным клювищем. Владимир с интересом его рассматривает. Попка вдруг говорит по-русски:

– Не наглей, а то дам по шапке.

Владимир недоверчиво улыбается. К нему подходит Анатолий.

– Это «Ара». Говорящий попугай.

Он щекочет пальцем попугаю шею.

– Они, эти «Ары», больше ста слов и выражений помнят и, что интересно, выдают заученные слова как раз к месту. Как разумные.

– Еще, еще, – требует попугай.

– Хорошего помаленьку. Вывозить их из страны нельзя, и поэтому его жильцы этого дома друг другу как эстафетную палочку передают. А зовут его...

Анатолий морщит лоб припоминая...

– Э-э-э... Боцман... Его так предшественник твой прозвал, потому что он материться научился. Хорошо, что к нам дамы не ходят.

Владимир подходит к попугаю, рассматривает его.

– Располагайся. А я спешу. Кстати, Владимир, нет ли у тебя чего-нибудь такого... Глотнуть для бодрости. Ну, ты понимаешь...

Анатолий потирает характерным жестом шею. Владимир понимающе кивает, открывает чемодан, достает из него бутылку коньяка. Анатолий тем временем несет с кухни стаканы. Владимир наливает, Анатолий задерживает Володину руку.

– Все! Будя! Ну, за твой приезд и успешное пребывание!

Опрокинув в себя содержимое стакана, он отдает Владимиру ключ от дома.

– Счастливо оставаться. Я поехал. Еще увидимся.

– Спасибо, Анатолий, за помощь. Если что, заскакивай!

Анатолий машет ему рукой и захлопывает за собой входную стеклянную дверь. Когда звук отъезжающей машины затихает, Владимир первым делом подходит к диковинному попугаю, чтобы пощекотать его, как это только что делал Анатолий. Но попугай, не долго думая, цапает его за палец. До крови. Володя ойкает, бежит на кухню, открывает кран, чтобы промыть рану. Попугай радостно кричит вдогонку.

– Еще? Еще хочешь?

С пальцем во рту Владимир направляется к радиоприемнику. По всем программам – песни и музыка. И какая! И «Битлз»! О-бладу! О-бладá! И все на испанском! Владимир забывает про рану, шарит ручкой настройки по эфиру.

Он ловит голос радиодиктора:

– Экономьте электроэнергию. Между семью и восемью часами вечера расход электроэнергии достигает своего максимума...

Владимир вновь крутит ручку настройки. Звучит песня «Мельницы на ветру». Он с удовольствием слушает. С улицы доносится шум подъехавшей машины, раздается стук в дверь. Владимир идет в прихожую, открывает дверь и в квартиру вновь входит Анатолий в обнимку с пакетами.

– Извини. Забыл. Это тебе продукты, чтобы до субботы продержаться. Мы раз в неделю в магазин, в «Гран Америку», ездим отовариваться. Потом сочтемся.

– Большое спасибо тебе, Анатолий. Я кое-что и с собой привез. Вот возьми себе копченой колбаски. И хлеба черного.

Владимир достает из чемодана хлеб и колбасу...

– Черный хлеб у нас на вес золота! Я отрежу себе четвертинку, а остальным ты с соседом и другими своими коллегами по службе поделись. Очень рекомендую. Порядок такой. И... я, пожалуй, еще один глоточек твоего отменного коньяка сделаю. Если ты не возражаешь. А то все ром, да ром...

– Ну, что ты! Сделай одолжение.

– С новосельем!

Анатолий выпивает, крикает, поднимается, чтобы идти...

– А ты не боишься, что права отберут?

– Во-первых, я, чем больше пью, а пью я не много, тем тише еду. Шепотом, можно сказать. А, во-вторых... У тебя права, кстати, есть?

– Есть.

– Вот! Если остановят, дари всем...

Анатолий лезет в карман, достает из него горсть значков с изображением Ленина, высыпает их в руку Владимира.

– Или говори всем: «Но компрэндо». Не понимаю, мол. И все! Местные гаишники сразу поймут, что ты русский и, связываться с тобой не будут. Хотя, правда, был тут у меня один случай. Ну, прям, офигеешь! Тормознул меня как-то раз один мулат-полицейский: я проехал на красный свет. Подходит, козыряет и говорит мне по-русски: «Вы нарушили». А я ему автоматически по-испански отвечаю: «Но компрэндо». Мол, ничего не понимаю. Он рассвирепел и опять мне по-русски: «Вы нарушили!» А я ему снова: «Но компрэндо». Тогда он мне и говорит: «Раз ты по-русски не понимаешь, то катись отсюда к такой-то матери!» Ну, я, конечно, радостный уехал, а потом задумался, как это мулат и меня по-русски послал? А потом вспомнил, что несколько лет назад большую группу кубинцев отправляли в Москву учиться на курсы гаишников. И вот теперь они выучились и матерят нас почему зря. Ну и пусть матерят! Даже

приятно свою речь на кубинских просторах услышать. Во какие дела бывают! Все! Я уехал! Пока! Все! Я уехал! Пока!

Анатолий машет рукой и выбегает. Владимир, врубает радио на всю мощь, идет осматривать дом. На веранде второго этажа он видит на полу неочищенные морские различные по форме и размеру ракушки, белые ветвистые кораллы. В кресле лежит маска с трубкой для подводного плавания, ласты с надписью на английском языке «Сделано в Испании». К стене прислонено ружье для подводной охоты с резиновыми жгутами для большей убойной силы и самодельная пика. Владимир берет, осматривает ружье, кладет на место...

Внизу хлопает дверь. Владимир спешит вниз по лестнице, и в коридоре сталкивается с рослым симпатичным спортивного телосложения парнем.

– Островский?

– Так точно! А вы...

– Ваш новый сосед, Владимир Ершов. Будем знакомы.

– С прибытием! Предлагаю дружеский ужин. Со знакомством!

Спустя некоторое время ребята уже голые по пояс сидят на кухне, под попури латиноамериканских песен, звучащих из приемника, пьют пиво и потрошат Володин чемодан. Островский учит Владимира открывать с грохотом бутылки с рефреско-колой ложкой. Пробки летят со свистом в потолок.

– Предшественник твой здесь жил, Володя, Вадим Никитенко. Это он меня к подводной охоте пристрастил. Но подвела его... как бы это сказать... любовь к слабому полу. Надо сказать, девушки здесь...

– Да, я видел... на перекрестке одну которриту...

– Подожди, Володя... еще и не таких барышень здесь увидишь.

– Ну, вот Вадик и не выдержал. Влюбился в кубинку. А наш «хефе рохо»...

– Кто?

– «Хефе рохо», подполковник Рытов, ну, и личность скажу тебе! Он-то его и выслал отсюда. Я Вадика предостерегал. Говорил ему, чтобы кончал свои фигли-мигли, шашни-машни, шуры-муры и прочие нежности-белоснежности. Но куда там! И главное, два месяца Вадик до срока не дотянул. Все Рытова просили: «Товарищ подполковник, подождите! Два месяца всего осталось до отъезда Вадика!». А он делу все равно ход дал... «Хефе рохо»... Так что полетел Вадик на Родину досрочно. В двадцать четыре часа. Это я фигурально говорю. Самолеты, сам знаешь, летают сюда раз в неделю.

Олег наливает себе еще пива. Владимир нарезает колбаски.

– «Хефе рохо»? Кто ж его так приложил? Что это означает, «красный начальник или красный командир»?

– Так его кубинцы окрестили. «Рыжий шеф»! Вот что это значит. Он же рыжий! Они всем прозвища дают: длинный начальник, хромой начальник, начальник заика. Беззлобно. Кубинцы-веселый народ. Любят шутки, анекдоты. Ты это учти! И еще, что важно. И кубинцы, и кубинки понимают толк в любви. И любят поговорить на эту тему. У них и поговорок на этот счет много. Вот, например, одна поговорка говорит, что «*Quien no mama, no quiere a su mama!*» Что означает, «Тот, кто не ласкает свою женщину, ну, там..., ты понимаешь где, тот не любит свою маму». И наоборот. «Та, что не курит табак со скользящей корочкой или кожицей, та ничего не стоит». «*Quien no fuma el tabaco de cara cortida, no vale nada*». Вот кубинка весь день будет ходить на работе в бигуди для того, чтобы вечером быть красивой при встрече со своим socio, сосью-женихом, значит, или бойфрендом. Улавливаешь разницу с нашими? Здесь любовь и женщина в почете! И еще в каком! Здесь культ любви! Сначала любовь, все остальное опосля!

Владимир зарделся, ничего не говоря и не перебивая Олега, но слушает его, затаив дыхание. Новый знакомый и сосед по дому радостно знакомит Владимира с другими похожими поговорками, которых Олег успел нахвататься за полгода у кубинцев.

На следующее утро Владимир и Олег выходят из дома. Идут по улицам микрорайона. Владимир видит, как два кубинца снимают с водовозки и ставят у дверей дома стеклянные бутылки с питьевой водой, как из одного двери одного дома высовывается ручонка малыша, чтобы взять бутылку с молоком, стоящую у порога.

Около школы-интерната ученики выстраиваются в шеренгу. Девочки в белых рубашечках, оранжевых и малиновых юбочках на бретельках с синими и красными галстуками скачут, смеются, поют очень популярную песенку «Juego de Simon». Маленькие, а кокетничают со взрослыми переводчиками. Оказывают им знаки внимания. Но ребята проходят мимо девочек с неприступными, серьезными лицами мимо. Школьницы обидчиво надувают губки.

– Памятники! – кричит им вслед школьница разочарованно.

Переводчики подходят к проходной в советскую воинскую часть, останавливаются перед шлагбаумом. Из части доносится строевая песня.

– Солдаты, в путь, в путь, в путь! А для тебя родная-я-я есть почта полевая . . .

К ребятам подходит солдат с красной повязкой на рукаве на рукаве и штык-ножом на пояском ремне. Владимир предъявляет солдату свой паспорт.

– Я лейтенант Ершов, прибыл для прохождения службы.

Солдат уходит в будку, звонит по телефону, возвращается, отдает Владимиру паспорт, козыряет. Островский показывает свой пропуск и проходит через КП.

– Проходите.

Он указывает Владимиру на отдельно стоящее здание справа. Из-за поворота строевым шагом выходит взвод солдат.

– Прощай, труба зовет! Солдаты, в поход!

Переводчики становятся с краю дороги, пропускают строй солдат с разноцветными хлопчатобумажными кепочками на бритых головах. Перед строем идет офицер в фетровой шляпе, и направляются к штабу части.

Владимир входит в помещение штаба, проходит в приемную. В приемной нет никого. Владимир стучит в дверь, на которой написано «Рытов В. М.», приоткрывает ее.

В кабинете сидит рыжеватый офицер лет пятидесяти.

– Разрешите войти, товарищ подполковник.

– Заходите.

Владимир входит в кабинет. Здесь прохладно, работает кондиционер. Жалюзи на окнах закрыты.

– Товарищ подполковник, разрешите обратиться! Лейтенант Ершов для прохождения службы прибыл.

Рытов выходит из-за стола, близоруко щурится, рассматривая вновь прибывшего лейтенанта.

– Вольно. Проходите, товарищ лейтенант, садись.

Рытов похлопывает Владимира по плечу, усаживает за стол, сам садится напротив, берет со стола очки, тщательно их протирает платком.

– За границей первый раз? Вижу, что в первый.

Он надевает очки, внимательно рассматривает Владимира.

– Так точно, товарищ подполковник! Первый!

Владимир, испытывает неловкость, привстает.

– Да, садитесь, вы.

В стеклах очков возникают солнечные блики. Рытов встает, подходит к окну, раздвигает створки жалюзи, смотрит сквозь щель.

– С приездом. Я вам вот что скажу, Ершов, сначала Вам будет нелегко. Но коллектив у нас хороший, дружный. Если что, поможем, подскажем. Служба у Вас здесь будет ответствен-

ная, серьезная. В аппарате Военсоветника. Наша первоочередная задача-поставить на должную высоту интернациональную дружбу с кубинским народом!

Рытов подходит к карте на стене, тычет пальцем в Кубу и чуть повыше – в США.

– А долг наш мы выполняем не на блинах у тещи, а под носом у противника. Это понимать надо! Поэтому бдительность, бдительность и еще раз бдительность. Еще Юлиус Фучик говорил: «Люди, будьте бдительны!» Помните?

Рытов возвращается к столу, останавливается напротив Владимира. Владимир встает.

– Так точно! Помню.

– Хорошо. А кто такой переводчик, вы знаете? А тем паче – военный переводчик?

– Переводчик это...

Рытов нервно поднимает правую руку.

– Переводчик-это трансформатор слов, предложений, мыслей и идей с одного языка на другой. Понятно?

– Так точно! Понятно! Трансформатор.

– Вот! Учитесь, перенимайте опыт. Добивайтесь уважения к себе командиров, товарищей по части. И, прежде всего, зарубите это у себя в голове! Упаси вас бог здесь заниматься развратом с кубинками, аморалкой и духовным разложением.

Он открывает холодильник, достает бутылку «Нарзана», наливает в стаканы воду себе и Владимиру.

– Этого мы здесь не прощаем. Куба, вернее, Гавана-город маленький. Здесь всё на виду. И все! И ЦРУ тоже не дремлет.

Он ставит стакан с нарзаном перед Владимиром.

– Если поскользнетесь, скомпрометируете себя, сразу к врагам на крючок попадете. И тогда карьере конец. И конец всему Вашему будущему!

Владимир берет стакан, делает глоток, ставит его на стол.

– И с пьянством тоже. Мы видим, кто и сколько бутылок в магазине отоваривает. Ладно. Идите! Служите Отечеству! И Родина вас не забудет.

Рытов как бы невзначай улыбается, проходит к Владимиру.

– А сегодня вечером мы с женой приглашаем Вас в кино на очень интересный, музыкальный фильм. Испанский. «Пусть говорят» называется. С певцом Рафаэлем в главной роли. Для Вас будет хорошая практика перевода. Мы за Вами часиков в семь заедем? Вас ведь к Островскому подсадили? Не возражаете? Вот и хорошо. Тогда пока свободны.

Владимир поднимается со стула, отдергивает рубаху.

– Есть свободен! Разрешите идти, товарищ подполковник?

Рытов допивает свой нарзан.

– Все усвоили?

– Все!

– Идите!

Владимир четко поворачивается кругом, выходит из кабинета. Рытов подходит к окну, раздвигает створки жалюзи, смотрит на улицу.

– Значит, на замену Никитенко...

Юля в своей комнате пишет письмо на Кубу своему брату.

– Здравствуй мой дорогой братец! Мы по тебе все ужасно скучаем. И мама, и папа, и я тоже, твоя сестрица. Хотя и прошло еще всего ничего. Пиши нам почаще, не забывай. Твои открытки с видами Кубы очень всем понравились. И моим девчонкам в школе. Я тебе завидую белой завистью. Я тоже хочу к тебе на Кубу. Защищать революцию. У нас все хорошо. Все здорово. Но я не могу тебе не сообщить и неприятную для тебя новость. Можешь верить своей родной сестрице, а можешь не верить. Как хочешь. Но я тебе только добра желаю, поэтому сообщаю тебе, что вчера видела, как твоя ненаглядная Муза целовалась у пятого подъезда. Вза-

сос. Я ведь тебя предупреждала, Фому неверующего. Если, конечно, очень хочешь, то можешь жениться и на целованной, если не брезгуешь. Делай выводы, дорогой братец! Вовчик! Береги себя! Ты нам и Родине очень нужен!

В отделе переводчиков работают четыре человека. Кто—то в наушниках слушает магнитофон и переводит текст на слух, другой работает со словарем, третий читает книгу, а Владимир тоже работает с магнитофоном, нажимает на «Стоп» своего магнитофона, перематывает пленку назад, нажимает «Плей», вслушивается в текст, быстро печатает на машинке. Входит старший переводчик, капитан Кулик. Владимир замечает его, снимает наушники, привстает.

– Сидите, сидите...

Он склоняется над Владимиром, кладет перед ним несколько страничек текста.

– Вот текст. Переведите это к двадцатому числу. Будут вопросы – не стесняйтесь, спрашивайте.

Владимир встает.

– Есть, товарищ капитан.

– Не надо так официально. У нас деловая, рабочая обстановка. Честь будете отдавать на построениях. А здесь это лишнее.

– Понятно. Лишнее.

Владимир дожидается пока Кулик выйдет, садится, просматривает текст.

В кабинет Владимира заглядывает военный служащий и оповещает, что прибыл письмоносец с письмами из посольства с Родины и раздает их в соседнем кабинете. Все бросаются к выходу и врываются в соседнюю комнату. Там в окружении возбужденных военных служащих письмоносец раздает письма.

– С пылу-жару, пяточок за пару!

Владимир читает в коридоре письмо из дома. Перечитывает. Комкает, рвет письмо на куски и бросает нервно в урну. Это видят проходящий мимо майор Сапрунец и стоящий в другом конце коридора подполковник Рытов. Сапрунец подходит к Рытову.

– Чего это он?

– Письмо, видимо, из дома получил. Расстроился.

– Письмо его расстроило. Ага! Ну, теперь жди от него сюрпризов.

– Вы полагаете что-то личное?

– Непременно. В его возрасте... Определенно дела сердечные. Вернее, делишки.

– А Вы тонкий психолог, Валентин Михайлович.

– Будешь здесь и психологом, и неврологом, и терапевтом, и хирургом. Да кем угодно здесь станешь. Того и гляди как бы чего не... Ладно, идите, Вадим Юрьевич. Не в первый раз. Разберемся и с Ершовым, если потребуется. Вадим Юрьевич, а хорошо было бы узнать, что там в этом письме.... Жаль, что не узнаем. Всего доброго!

– Всего доброго, Валентин Михайлович.

Майор Сапрунец, озираясь, подходит к урне, вытряхивает из нее мусор, выбирает разорванные кусочки письма Юли. Видит уборщицу и прячет письмо в карман.

– Ой! Споткнулся вот. Рассыпал. Извините уж меня. Неуклюжего медведя. Давайте я помогу Вам убрать. Вот так. Прямо в мешочек. И порядок в танковых войсках.

В Гаване тропический ливень. Сплошные потоки воды. В кабинете переводчиков сидят и работают, обливаясь потом, трое: Егоров, Ершов и Островский. Входит Кулик.

– Как в такой жаре переводить, товарищ капитан? Когда нам хотя бы вентилятор поставят? Такой Армагеддон, что просто апокалипсис! Мозги прямо плавятся и растекаются по черепушке. И накомарник хорошо бы от комаров раздобыть Владимиру. А то у него нет.

– Ничего Вам обещать не могу. Накомарник достать—это попроще будет. Что делать: жизнь такая работа, где берут рубежи не количеством пота – напряженьем души. Как поливает! Это ж надо, как поливает!

Вячеслав Иванович, скажите, пожалуйста, как правильно перевести термин «танк»? Как «карро блиндадо» или как «танке»?

– Кубинцы танк называют «танке». Так и пишете «танке».

– Спасибо, Вячеслав Иванович.

Кулик выходит из кабинета, но вскоре возвращается.

– Владимир Максимович, вот адрес. Берите разъездную машину и езжайте в ритуальную контору.

– Куда ехать?

– В ритуальные услуги. Или «Дом прощаний», как его здесь называют.

– Прямо сейчас?

– Прямо сейчас. Что Вы так на меня смотрите? Что-то не так? Я что, непонятно говорю?

Перенесите прощание с майором Завалишиным с четверга на пятницу, на 12 часов. Я там все уже обговорил и организовал. Там в курсе. Но саму церемонию надо перенести на один день, а то мы не успеваем, чтобы все было нормально организовано, без спешки. Да и кубинцы тоже.

– А что случилось?

– Я полагал, что Вы знаете. Погиб Завалишин. Геройски погиб. Обучал кубинских новобранцев бросать гранаты. У одного паренька граната выскользнула из потной руки и упала в траншею всем под ноги. Майор успел кубинца спасти, вытолкнуть его за угол, ну, за поворот траншеи, а сам укрыться не успел: рванула. Переводчик Якимов тяжело ранен. Вот такие невеселые дела. Выполняйте.

– Есть перенести прощание с майором Завалишиным на пятницу, на 12 часов.

Ершов собирает бумаги и идет на выход.

Зал прощаний в траурном убранстве. Мимо цинкового гроба в скорбном молчании проходят вереницей советские военные советники и специалисты в гражданской одежде и кубинцы в военной форме, отдавая последние почести погибшему советскому военнослужащему Завалишину.

– Себе – честь, Родине – слава!

– Да!

Владимир предъявляет пропуск, проходит мимо двух кубинских солдат в штаб кубинской воинской части. В приёмной штаба работает кондиционер, в кожаном кресле – кубинский офицер. На журнальном столике-стопка журналов. Офицер пьёт кофе, мусолит во рту потухшую сигару, время от времени макает её в кофе, и листает журнал «Богема». На стене – портрет Хосе Марти и кубинский флаг. За пишущей машинкой работает машинистка.

– Здравствуйте, *contrahegos!* – приветствует Владимир кубинца и секретаря-машинистку.

– Привет, – лениво кивает ему разморённый от жары кубинец.

Кубинка Владимиру молча кивает. Стол завален папками. Печатает молоденькая симпатичная мулатка в военной форме: зелёной юбочке и зелёной рубашке с закатанными рукавами. Девушка поднимает на Владимира очаровательные, чуть раскосые, зеленоватые глаза, вопросительно и заинтересованно на него смотрит. Владимир показывает девушке коричневатый пакет с сургучной печатью:

– *Contrahega*, у меня пакет для вашего командира.

– Здравствуй. Давай. Я передам, – протянула она руку за пакетом.

Владимир прячет пакет за спину:

– Не могу. Приказано лично в руки и кое-что на словах.

– Тогда жди, – индифферентно произнесла секретарша, – Садись вон в кресло и жди.

Там совещание.

Она продолжает бегло печатать на машинке. Владимир стоит, поглядывая по сторонам. На столе машинистки он замечает куклу.

– Сомраёга, а это что у вас такое? – Владимир показывает ей на что-то непонятное в цветных лохмотьях.

– Чертёнок, – отвечает, не поднимая головы, девушка.

– Понятно. А я подумал, это чертёнок.

Кубинка поднимает глаза, в которых блеснула озорная искорка:

– Кофе хочешь?

Владимир старательно выговаривает известную испанскую метафору:

– Чёрный, как ночь, горячий, как ад, и сладкий, как любовь?

Кубинский офицер отрывается от журнала и рассматривает русского с ног до головы.

– Ты новенький? – интересуется кубинка.

– Да. Как видишь, ещё не старенький, – улыбается ей в ответ Владимир.

– Давно приехал?

– Три недели назад.

– Из Москвы?

– Из Москвы.

– Переводчик?

– Переводчик.

– Надолго?

– Нас, холостяков, на год посылают. А там продлят или нет – не знаю.

– Сколько тебе лет?

– С утра 23 было.

– 23.

В это время дверь открывается и из кабинета вываливаются возбуждённые разговором военные. Девушка встаёт, оттягивает вниз короткую юбочку и, кокетливо стрельнув в переводчика глазками, поправив чёрные искрящиеся от луча солнца волосы, скрывается в кабинете командира. Через мгновение она появляется в приёмной, кивает кубинцу:

– Заходите.

Офицер допивает кофе, встаёт, одной рукой теребит запотевшую мошонку под брюками, другой – вынимает изо рта сигару, берёт папку и проходит в кабинет. Кубинка с трудом выдерживает паузу приличия и обращается к Володе:

– Значит, хочешь кофе сладкий, как любовь? Только такой?

Владимир смущён. Молча кивает. Кубинка встаёт, направляется к кофеварке, наливает ему кофе:

– Как тебя зовут, солдатик?

– Меня зовут Владимир. Я офицер. Лейтенант. А не солдатик!

– Владими́ро.

– Нет. Владими́р.

– Влади́!

– Или просто: Володя.

– Болодья, – старательно выговаривает девушка.

– Или уменьшительно: Вова.

– Боба. Бобо. Ты Бобо? – засмеялась секретарша.

– Я не Бобо, а Во́-ва́! Ты знаешь, что такое «бобо» по-кубински?

– Я-то знаю. Дурачок!

– Ты называешь меня дурачком? Так сразу и оскорбления?! Не ожидал от такой.

– Какой такой?

– Прекрасной кубинки. Хотя у нас в России дурачок – положительный герой в сказках. Он всегда из всех переделок выходит победителем. Может быть, слышала: Иванушка-дурачок? Неужели нет?! Это же всему миру известно!

Девушка, слегка зардевшись, наливает приготовленный кофе в чашку, подаёт обидевшемуся Владимиру.

– Стоп, стоп! Спокойно! Я же в шутку.

– Ничего себе шуточки с первого раза.

Владимир пробует кофе. Вкус его устраивает.

– Ты не чётко произнёс своё имя, вот и прозвучало, как «бобо».

– А вас как зовут?

Девушка садится за машинку:

– Мария. Мария Дель Мар Морена Муньос. Можно и на ты. Хочешь?

– Хочу!

Владимир садится на стул напротив неё, отхлёбывает кофе.

– Я родилась в деревне, – рассказывает Мария, – у моря. Там, где и сейчас живут мои бабушка и дедушка.

– Мою маму тоже зовут Марией.

– Правда? Вот здорово!

Мария замечает, что чашка Владимира пуста, наливает ему ещё кофе, подаёт чашку. Рука Владимира касается пальцев Марии. Девушка смущена, садится за машинку, вставляет в неё чистый лист бумаги. Владимир пьёт кофе.

– Мария, Вы... то есть ты Гавану хорошо знаете... то есть знаешь?

– Ещё бы! Я давно здесь живу.

– А не покажешь ли мне её?

– Ой, у меня столько работы! Смотри, сколько печатать надо.

– И ни минутки свободной?

– Минутка? Минута есть. Но минутки нам не хватит. Ведь так?

Из кабинета выходит офицер и быстро уходит. Изнутри раздаётся стук в стену. Мария заглядывает к шефу.

– Проходите. Команданте тебя ждёт...

Когда Владимир выходит от команданте, в приёмной уже толпятся военные. Девушка вопросительно смотрит на Володю. Тот разводит руками, хочет что-то сказать, но не решается и, кивнув ей на прощание, направляется к двери.

– Один момент, переводчик! – окликает его Мария.

Мария идёт за ним, выходит из приёмной:

– Я покажу вам дорогу. Пойдёте вон туда. Сначала направо, ещё раз направо, а затем налево.

Украдкой она находит руку Владимира, вкладывает ему в ладонь свёрнутую записку и закрывает за ним дверь. Владимир выходит из части. Читает записку: «Завтра в 20:00 на набережной у отеля «Ривьера».

– Опля! – не удержался от восклицания Владимир.

Владимир бодро шагает из кубинской части по узкой улице, поворачивает направо, но эта узкая улочка ему не знакома. Он возвращается назад и понимает, что заблудился. Он проходит вперед, поворачивает налево, раздумывает куда идти. Смотрит прямо, налево, направо и замечает у крыльца дома полную кубинку в ярком, расписном платье с трубкой во рту.

– Компаньера, пожалуйста, скажите, как пройти к советской воинской части?

Кубинка вынимает трубку изо рта, выпускает изо рта струю дыма и всплескивает руками.

– Ничего себе! А ты, случаем, не из ЦРУ? Не шпион ли ты?

– Я – советский. Только что приехал из СССР. Я заблудился.

– Он заблудился! Подумать только! Представьте себе! – размахалась руками словоохотливая толстушка, – А что такое СССР?

– Эта аббревиатура. Ну, сокращенное слово. Означает Союз Советских Социалистических Республик.

– А что такое Союз Советских Социалистических Республик?

– Это означает Советский Союз?

– А что такое Советский Союз?

– Россия, короче говоря.

– Россия? Так ты из Великой России? Надо же! А что ж ты молчишь, парень!

– Да! Россия! Куба и Россия – дружба навсегда!

Живописная кубинка толкает локтем дверь за своей спиной, кричит в квартиру.

– Майра! Выйди сюда! Тут один парень из России! Говорит, что заблудился! Майра, выйди, тебе говорят!

Из дверей за ее спиной выглядывает привлекательная девушка, бросает искрометный короткий взгляд на Владимира, но, встретившись с равнодушным взглядом Владимира, который погружен в свои мысли, разочарованно отворачивается, что-то тихо говорит кубинке и скрывается за дверью. Из квартиры доносится звук упавшей кастрюли. Кубинка оборачивается к Владимиру.

– Направо иди, мальчик. Направо, а потом все время прямо. Там!

– Спасибо.

Владимир кивает, идет в направлении, указанном кубинкой. Кубинка качает головой, глядя ему вслед. Дверь за ее спиной приоткрывается и из нее выглядывает Костя Дымоховский, смотрит в след удаляющемуся Владимиру и скрывается за дверью.

– Представьте себе! Он заблудился! Из Великой России! Подишь ты!

Владимир снимает наушники, вынимает из машинки отпечатанную страницу, берет со стола еще несколько страниц текста, скрепляет их, подходит к старшему переводчику. Капитан Кулик просматривает перевод Владимира, берет карандаш, подчеркивает в тексте ошибку. Владимир кивает. Кулик поднимает голову, стучит карандашом по столу, привлекая внимание всех присутствующих.

– Внимание! Напоминаю всем, а особенно это касается новоприбывшего. Вас Ершов. Островский оповестите всех других наших переводчиков в расположении части. В конце месяца, как всегда, в среду, в 16.00 у нас будет инструктаж о трудностях и сложностях устного и письменного перевода. Подготовьте свои примеры из практики, чтобы поделиться с другими.

Офицеры внимательно слушают капитана. Кулик обращается к Владимиру.

– А Вас, Ершов, предупреждаю сразу, потому что другие это уже усвоили, что в разговорах с кубинцами нельзя употреблять такие слова, как спутать, запутать, напутать, перепутать. Понятно почему?

Владимир пожимает плечами.

– Пута, пута... Они могут подумать, что Вы при них о проститутках говорите. Пута, по-кубински, означает женщина легкого поведения. Это их оскорбляет. Да и кого угодно оскорбит. Учтите это. Понятно?

– Так точно! Понятно!

– Ну, вот и отлично. Работайте.

Владимир возвращается к своему столу, надевает наушники, включает магнитофон, печатает на машинке.

Неторопливой походкой вечером Владимир идет по набережной-Малекону, посматривая на часы. Жарковато. Он время от времени вытирает лоб и шею платком. Солнце скрывается за горизонтом, озаряя набережную и весь город последними жаркими лучами. Смуглые парни и девушки стоят в обнимку около парапета. Некоторые парочки целуются, другие что-то темпераментно обсуждают, смеются. Владимир останавливается на набережной напротив входа в отель «Ривьера». Подходит Мария. Она в белых брючках и розовой рубашечке. На плече

у неё сумочка. Владимир подходит к смутившейся девушке, остановившейся со стыдливо опущенными глазами:

– Здравствуй.

– Здравствуй.

Ладонь Марии плавно ложится в ладонь Владимира. Оба молчат. Наконец руки молодых неохотно разъединяются.

– Я тебе сувенир принёс.

Он достаёт из сумки небольшой свёрток, разворачивает его.

– Это матрёшка. А это... чулки.

Мария кладёт капроновые чулки на парапет, вертит в руках матрёшку:

– Что такое матрёшка?

– Это деревянная кукла. Крестьянка такая, русская. Вот смотри, как она раскрывается.

Владимир берёт матрёшку, раскрывает её:

– Вот так – одна, а вот так – уже две. А так – три куклы. Всего семь.

Владимир расставляет на парапете матрёшки. Все семь штук. Мария берёт самую маленькую:

– Интересно, как её так сделали? Здорово! Какая малюсенькая!

– Их на токарном станке вручную вытачивают. Мастера.

Прогуливающиеся молодые парочки заглядываются на Владимира и на матрёшку. Мария собирает куколки одну в другую, кладёт их в свою сумочку. На мгновение она задумывается, берёт с парапета чулки и возвращает их Владимиру:

– Спасибо, но мне они не нужны.

– Что так? Мне говорили, что они у вас популярны.

– Популярны или не популярны – всё равно заberi.

Владимир вертит чулки в руках, потом сминает их и бросает за парапет на острые чёрные камни вулканического происхождения. Мария смотрит на него с пониманием и одобрением. Мария и Владимир молчат. То смотрят вдаль, то украдкой друг на друга, то на публику на набережной. Владимир пытается найти тему для разговора.

– А Колумб где открыл Америку? Здесь? – Владимир показывает на разбивающиеся о рифы волны.

– Не знаю, я в это время экзамен в школе сдавала.

Мария смеётся. Владимир, глядя на неё, тоже начинает хохотать. Прохожие оборачиваются на них, но влюблённые ни на кого внимания не обращают. Владимир и Мария идут по улицам Гаваны. Проходят мимо фонтана. Владимир замечает живописный кадр, фотографирует Марию. Мария просит прохожего сфотографировать их. Тот долго соображает, куда нужно нажать. Наконец щёлкает молодых людей на фоне фонтана.

Они доходят до кафе-мороженое «Копелия». Пахнет акациями.

– Зайдём?

– Зайдём.

В кафе на втором этаже Владимир заказывает мороженое и лимонад. Мария тем временем расставляет матрёшек на столике. Владимир настороженно оглядывается:

– Здесь русские бывают?

Мария рассматривает матрёшек:

– Очень часто.

Владимир машет официанту. Тот несёт заказ, расставляет стаканчики на столике. Владимир пробует мороженое, косится на входную дверь.

– Как наше мороженое? Тебе нравится? Говорят, оно лучшее в мире.

– Отличное мороженое. У нас такого нет. Здесь и ананас, и другие фрукты.

Владимир торопится съесть мороженое, но Мария никуда не торопится. Владимир достаёт из кармана деньги, кладёт несколько песо на тарелочку. Затем машинально берёт монету, рассматривает её:

– La patria y la libertad. Пять сентаво.

Он берёт другую монету:

– А эта-Patria o muerte.

– А по-русски это как будет?

– Ро-ди-на и сво-бо-да. Родина или смерть. А что означает этот кубинский герб?

Мария наклоняет голову к Владимиру:

– Это боевой щит. Солнце на горизонте символизирует республику, которая рождается. Здесь Куба в виде ключа от Мексиканского залива. Красная диадема. Здесь, конечно, она не красная. Со звездой. «La unión de todos los cubanos» – «Союз всех кубинцев». Левая часть герба обозначает знамя, а справа – природа Кубы и королевская пальма – национальное дерево Кубы. Дубовые и лавровые ветки означают силу и победу.

В кафе вошли новые посетители. Владимир, склонившись к Марии, вдохнул запах молодого тела и гладких тёмных волос.

– Пойдём ещё погуляем, – предложил Владимир.

– Пошли, если не устал...

Владимир откладывает в сторону толстенный толковый словарь «Ла Рус» и выходит в коридор. Подходит к окну. На плацу марширует взвод. В коридор выглядывает Рытов, видит Владимира.

– Товарищ лейтенант, зайдите-ка ко мне.

Владимир кивает.

– Владимир входит в кабинет замполита.

– Что, Владимир Максимович, вживаетесь потихоньку?

– Так точно, Валентин Михайлович. Вживаюсь. Потихоньку.

Рытов улыбается, снимает очки, легко крутит их за дужку:

– Это хорошо. Вот что, Владимир Максимович. С вами проживет другой переводчик. Островский. Хороший переводчик. Синхронист. Но что-то он там несет какую-то чушь. Даже сказать-то неудобно.

Рытов подходит к столу, берет машинописную страничку, не заглядывая в нее, нервно кидает ее назад, на стол...

– Рассказывают, что он, якобы, приветствовал бы объединение Восточной и Западной Германии. Что это, мол, когда-нибудь да произойдет. И т.д., и т. п. Откуда ему такое в голову взбрело? С чего вдруг такие мысли? Кто его научил? Не думает совершенно, что несет. А такие разговорчики вредны. Правильно я говорю?

– Правильно.

Рытов надевает очки. В полумраке кабинета синими бликами они сверкают на его переносице.

– Не пугайтесь Вы так, голубчик. Кто-то, видать, ему навредить сильно хочет. Подставить. Или пошутил так Островский неудачно. Мало ли, кто что сказал. А может это оговор. Намеренный. Но мы не можем не обращать внимания на такие речи или шутки. А вдруг что-то серьезное! Лучше сразу сказать. Мне. А мы с ним побеседуем, предостережем. Мозги, если надо будет, вправим. И вообще, если какие-то провокационные разговоры услышите, мне сообщайте. Непременно и моментально.

Рытов намеренно замолкает. Владимир тоже молчит.

– Не глядите Вы на меня так. Это не стукачество. Это наш с Вами долг вовремя беду предупредить. Враг он везде рыщет. Согласны вы со мной?

– Согласен.

Рытов нервно берет со стола газету «Грамму», разворачивает ее, кладет на стол перед Владимиром. Крупные буквы передовицы бросаются в глаза: «Позор гусанос!».

– Вот, видите, читали, мирный самолет гусанос взорвали. Погибли люди! Погиб цвет и надежда кубинского спорта! Это варварство! Это государственный терроризм! И они за это понесут наказание рано или поздно!

Рытов тяжело дышит, садится за стол, смотрит на Владимира.

– Среди наших врагов нет. Но и бдительность не помешает. Так, будете мне помогать? Если что подобное услышите?

– Я, конечно, не против. Буду. Мимо меня враг не пройдет. Но у меня есть один физический недостаток.

Рытов наливает себе воды, останавливается.

– Какой такой недостаток?

– Во сне я разговариваю. Конечно, я сообщу Вам, если что услышу что-нибудь плохое такое. Подстрекательское. Шпион мимо меня не пройдет! Только бы не проговориться во сне. Вдруг Островский услышит.

– Да... С таким дефектом Вам, лейтенант Ершов, трудно в жизни придется.

Рытов встает, подходит к окну, недоверчиво качает головой.

– А как Вам можно секрет какой доверить? А служебная карьера... Вас что, комиссовать из армии? А помогать нам надо. Иначе у Вас служба плохо сложится. В общем, я на Вас рассчитываю. Вы уж поскорее выздоравливайте, пожалуйста! И узнайте, что там Островский имел в виду, говоря о соединении Германий. Больше того, он через пятьдесят лет предсказывает новое отделение сегодняшней ГДР от Германии. Уже после их воссоединения. Говорит, мол, мигранты из Африки поглотят Германию, а бывшие гедезоровцы этого, на своей бывшей территории, не допустят у себя этого эмигрантского разгула. Вот и отделятся опять от Германии. Прямо Нострадамус какой на мою шею! Умник, понимаете ли! К чему эти разговоры? В шутку или всерьез? Это приказ!

– Есть, товарищ подполковник. Если что узнаю, то доложу Вам немедленно.

– Вот и молодец. Это наш служебный долг пресекать всякие вредные разглагольствования. Есть материалы Съездов КПСС. Читай! Изучай! Коли сам не хрена не соображаешь! Кто ему на политзанятиях мог такие вещи говорить? Да никто! А вред своей болтовней он может причинить немалый! Свободны!

За столами с разложенными на них картами и планшетами сидят кубинские военные. У карты Кубы с указкой в руке стоит подполковник Мусатов. Рядом с Мусатовым с блокнотом и ручкой стоит Владимир.

– Сегодня, мы проведем как бы небольшое штабное ученье. Рассмотрим различные варианты и возможности обороны Кубы от нападения условного противника с моря. Начнем с того, как следовало бы организовывать береговую оборону.

Владимир переводит это вступление преподавателя. Кубинские военные внимательно слушают и конспектируют.

Владимир выходит в коридор, опускает монетки в ярко-красный автомат, из его внутренностей с грохотом выкатывается запотевшая бутылка «Кока-Колы». Владимир наклоняется, берет бутылку и, когда он выпрямляется, видит перед собой Рытова.

– Что Островский? Не проговорился?

– О чем?

– Вы прекрасно знаете, о чем! – сердится подполковник.

Рытов роется в кармане, достает мелочь.

– Ничего такого он не говорил.

Рытов методично бросает в автомат монетки.

– А не такого? Что-то он все ж говорит. А вы пощупайте его, пощупайте.

Рытов нажимает на кнопку, но автомат почему-то не срабатывает.

– Хорошо, пощупаю.

Владимир открывает свою бутылку, пьет из нее. Рытов снова нажимает на кнопку. Автомат молчит. Рытов бьет по нему.

– Вот-вот, проверьте его, так сказать, «на вшивость».

Владимир кивает и возвращается в комнату переводчиков.

Несколько грузовых машин с людьми едут по пыльной дороге. На передней машине транспарант: «Даешь десять миллионов тонн сахарного тростника!» В грузовиках советские и кубинские офицеры и солдаты. На неровностях дороги грузовик подпрыгивает, Владимир неловко толкает соседа по скамье.

– Какая дневная норма рубщика тростника?

Кубинец смеется:

– Сорок арроб в день. Ты и пятнадцать-то не одолеешь.

Кубинец похлопывает Владимира по плечу. Владимир по-кубински оттягивает вниз нижнее веко глаза пальцем.

– А это мы еще посмотрим!

Все в кузове смеются. Грузовики останавливаются. Владимир вместе со всеми спрыгивает с кузова, подходит к раздаче рабочего инвентаря. Здесь он видит Марию. Владимир, как и все, получает мачете, осматривает непривычный, похожий на меч, инструмент. Украдкой показывает Марии, как он будет им управляться, она улыбается. Владимир замечает, что на дороге останавливается машина Рытова.

Кинооператор снимает подготовку к уборке урожая. К Владимиру подходит симпатичная девушка режиссер, что-то говорит, машет кинооператору, чтобы тот снял Владимира. Это видит Рытов, он выходит из машины, подходит ближе. Невысокая кубинка в красном платочке, глядя пристально на Владимира снизу-вверх, смело спрашивает его под прицелом кинокамеры:

– Как тебе нравятся наши миллионы сахарного тростника?

– Идут! – просто отвечает Владимир, не придумав ничего лучшего.

Его наивный ответ вызывает бурную, положительную, одобрительную реакцию кубинцев, и они ему даже аплодируют. Рытов завистливо смотрит на Ершова. Грохоча железом, мимо проезжает комбайн. Рытов, прислушиваясь издали, пытается понять, о чем говорит Владимир, но это ему не удается. Около съемочной группы останавливается «УАЗик». Один из организаторов мероприятия поднимается с мегафоном в руках:

– Внимание всем! В четыре часа будет дружеский интернациональный ленч!

Молодежь расходится по своим рабочим местам – просекам. Мария задерживается около Владимира. Рытов подходит к ним сзади, с интересом рассматривает Марию.

– Смотрите, Ершов, сразу здесь какую-нибудь не подцепите.

Мария вопросительно смотрит на Рытова, потом на Владимира.

– Он спрашивает, не водятся ли здесь змеи, пауки и прочие твари?

– Скажи ему, что на Кубе змей нет.

Теперь Рытов вопросительно смотрит на Владимира.

– Она говорит, что на Кубе ядовитых гадов нет.

– Это хорошо, что нет. Хорошо. Гады-это очень плохо. Переведи это девушке!

Ершов переводит. Рытов прищуривается и отводит Владимира в сторону.

– Какие новости, лейтенант Ершов? Как там Островский? Ничего крамольного не высказывает? Агитацию за объединение двух Германий не ведет?

– Нет, не ведет. Его только рыбалка интересует.

Они останавливаются около машины Рытова. Владимир видит, что Мария с подругами что-то обсуждает. Рытов снимает очки, смотрит в том же направлении.

– Валентин Михайлович, я хотел Вас тоже спросить.

– Что такое?

– А Вы сами уверены, что Германии никогда не объединятся?

Рытов медленно надевает очки.

– Та-ак! Плохо, Ершов! Плохо! Двойка! Что Вы все ерничаете! А, Ершов?! Не хотите вы нам помогать. А когда вам помощь потребуется, Вам тоже никто не поможет.

– Я просто хотел Ваше мнение узнать.

– Я, как и весь советский народ. Уверен, что нет. Что у нас может быть общего с бандитами – капиталистами? С эксплуататорами людей?!

Кинооператор снимает уборку урожая, делает панораму на дорогу, в кадре Рытов и Владимир. Рытов продолжает выговаривать Владимиру что-о резкое, но замечает, что он в кадре. Тогда «хефе рохо» уходит, но по дороге спотыкается, поскользывается на тростнике и, теряя равновесие, припадает на колено.

– Меня не снимать! Нет фото! Нет камера! Грасиас! Спасибо!

Кинооператор отводит от него камеру. Сверкнув очками, Рытов садится в машину, хлопает дверцей. Недалеко от шоссе на дороге Владимир, рубит тростник. Он так лихо машет мачете, что рейсовый автобус, проехавший было мимо, тормозит и подает назад, чтобы пассажиры могли полюбоваться на светловолосого русского молодца. Мачете вверх, мачете вниз – листья летят налево. Раз, два, три удара мачете и все обрубки ствола – направо. Пассажиры в автобусе одобрительно машут и кричат что-то ему!

Кубинцы очищают руками тростник от оболочки и с удовольствием сосут сок. Учат этому и наших ребят.

Черный «Кадиллак» несется по шоссе. Яркий свет фар разрывают сгущающиеся сумерки. Справа и слева от дороги густые заросли. В лунном свете внизу мерцает океан. За рулем машины пожилой кубинец в военной форме. Рядом с ним лежит карабин. Замполит дремлет справа от водителя. Сзади клюет носом переводчик. Из приемника звучит песня «Довольное сердце»:

Йо кисьра ке сепас...

Ке ми вида комьенса, куандо те коноси!

(Я хочу, чтобы ты сегодня знала, что моя жизнь началась, только когда я тебя встретил.)

Подполковник Рытов поводит, дергает носом. Через переводчика спрашивает водителя:

– Компаньеро, что это? Кажется, бензином пахнет?

– Да. Пахнет, – улыбается шафер, – На этом лимузине еще диктатор Батиста ездил.

Может, где бензин подтекает.

– Но это же опасно! Можем же взорваться!

– Если взлетим, то все вместе.

– Мне, друг, что-то не очень хочется взлететь на воздух даже в такой хорошей компании.

Давай, голубчик, остановимся. Посмотрим, что там случилось. Что-то как-то не хочется еще взлетать.

Переводчик переводит. Водитель послушно останавливает машину, выходит из нее, открывает капот.

– Бензиновый шланг подтекает. Вон сколько накапало.

– Так надо ж его чинить.

– Можно и починить. Почему бы нет? Сейчас в миг подтянем хомуток. Ну, вот и все.

Можем ехать.

Откинувшись на спинку стула, Рытов сидит за столом и читает газету «Правда». В дверь стучат. Рытов поправляет галстук.

– Да! Открыто.

В кабинет заискивающе заглядывает майор Сапрунец.

– Вызывали, товарищ подполковник?

– Да, зайдите. Дело есть.

Сапрунец проходит в кабинет, останавливается напротив стола.

– Есть для Вас задание, майор. Садись.

Сапрунец садится, Рытов сворачивает газету, кладет ее на край стола.

– Надо вывести на чистую воду лейтенанта Ершова. С кубинкой снюхался... Вот, если бы он себя скомпрометировал! А? Беретесь?

Сапрунец с пониманием кивает.

– Только ты уж, постарайся пока качественнее его снять что ли. Чтобы четко было видно: кто, где и с кем встречается и что делает. А то с этим... Никитенко вышла какая-то несуразность. То ли он на фото, то ли не он. Снято как-то издали, фигурки маленькие, контрастность слабая, словом... В общем, ты меня понял.

– Так точно, товарищ подполковник. Но...

– Что? Говори.

– Объектива у меня нужного нет. Нужен длинный фокус, а у меня только широкоугольные...

Рытов заинтересованно подходит к Сапрунцу.

– Так. И что это даст?

– Крупней можно будет снять.

Рытов кладет перед Кравцовым чистый лист бумаги, а на него ручку.

– Пишите подробно, как называется и все его характеристики. Будет Вам объектив.

В штабе аппарата Главного военного Советника, в комнате переводчиков, Олег, картинно откинув в сторону руку, читает свои стихи перед коллегами:

На охоту мы ходили,
Под водой она была.
Барракуду увидели,
Ох! И страху нагнала!

Владимир смеется, хлопает. Олег, подражая модному поэту, откидывает руку в сторону...

И с тех пор мы не ныряем:
Опостыл подводный мир.
Нам дороже жизнь с машиной,
Чем ракушка – сувенир.

Бурные аплодисменты переводчиков. Олег раскланивается.

– Да, уж лучше заработать здесь на машину, чем быть съеденным какой-нибудь морской тварью, – соглашается переводчик Шаповалов.

– Это мы недавно на рыбалку ездили. Нырнули в одном месте, а там стадо барракуд. Стоят недвижно, как серые бревна. Ужас! Мы обратно в лодку. И на машине километр вперед. Там их поменьше было: две, три...

– Как у тебя лихо стихи получаются! Ты что, гений?

– Да! – соглашается Олег, – А что? А разве не видно? Но я, конечно, не профессионал. А вот послушайте стихи нашего известного поэта Сергея Гончаренко о Кубе.

Олег припоминает начало, рукой отсчитывает ритм. В коридоре к приоткрытой двери подходит Рытов, прислушивается, как Олег возвышенно декламирует.

– ... Бормочу я снова как стихи

От тебя последнее письмо.
Здесь как кубки звонкие слова:
Сибоней, Орьенте, Мариэль.
Где-то там, в кустах кычит сова...

В комнату входит подполковник Рытов. Олег видит его и замолкает.

– Продолжайте, продолжайте.

– До России тридевять морей.

Рытов хлопает в ладоши.

– Молодец, Олег Маркович. Хорошие стихи! Правильные! О тех, кто нас ждет дома. Надо тебя в самодеятельность привлечь! А как же?! Грех такой талант в землю зарывать. Обязательно возьму тебя на карандаш.

– Не надо меня на карандаш, Валентин Михайлович, пожалуйста! – ноет Олег.

– Надо! Надо!

Рытов чувствуя двусмысленность, выразительно смотрит в сторону Владимира и выходит из комнаты. За ним следом выходят и два переводчика. Остаются вдвоем Островский и Ершов. Олег садится рядом с Владимиром. Олег тяжело вздыхает:

– Во, влип! Приперся. Только самодеятельности мне и не хватало. То в кино с ним ходи переводить на ухо.... Теперь вот драмкружок.

– Не любите вы его, – заключает Владимир.

– А знаешь, сколько он характеристик подпортил?

– Какой ты, смелый! А вдруг я донесу?

Олег достает из папки страницы перевода.

– Не донесешь. Ты, Володька, порядочный мужик. Это сразу видно. И потом... Ладно, ну его...

Олег на всякий случай оглядывается.

– Мы на рыбалку когда поедем? – меняет тему разговора Владимир, – Я бы поехал. Вот только когда? А у меня и пики-то нет. А можно с нами один мой приятель, капитан один, поедет?

– Без проблем. А я тебе на первое время свою пику дам. А там у какого-нибудь отъезжающего ружье купишь.

Автобус, подняв облачко пыли, останавливается на стоянке у пляжа Санта-Мария. Народа-масса. Столько красивых тел. По радио звучит популярная песня английского певца Энгельберта Хампердинга:

– Куандо ме энаморо, йо ле дой ла вида, а кьен се енаморе де ми

Надье ен ель мундо пуэда комбенсерме а ке ме сепаре де ти!

(Когда я влюблюсь, я отдам свою жизнь той, что полюбит меня.

Ничто в жизни не заставит меня с расстаться с моей любимой.)

Двери открываются, и из автобуса вываливается шумная ватага. Женатики располагаются со своими жёнами отдельно. Холостяки обосновываются поодаль среди кубинцев. Кто-то сразу идёт купаться, кто-то идет играть в волейбол, кто-то бросается на лежак загорать.

На деревянной будке с красным крестом под большим полосатым зонтом сидит спасатель. По радио «Спидола» звучит песня английского квартета The Beatles. Только на испанском языке. «Парень, не удивляйся, когда увидишь её выходящей из церкви под руку с другим!».

Олег читает Владимиру свои новые стихи:

И снова на пляже скопление тел
Что-то дурманит запахом пряным
Мелкий песок скользит из-под ног

Хевы ласкают взглядом.

Глаза зеленые сверкают
Как листья в солнечных лучах
И руки смуглые порхают
Улыбки замерли в устах.

Дерзкие бюсты колышутся
Исполнены неги движенья
Средь пальм королевских гроздится
Таинственное напряжение.

Вот-вот упадут в объятия
Но трепетный бросив взгляд,
Уходят, уходят кубики
Кончается граций парад.

Потом переводчики не спеша идут в бар за пивом. Мимо них с визгом проносится к воде толстопузый кубинец. За ним гонятся две длинноногие мулатки. Переводчики провожают их долгими взглядами.

– Расступитесь! Дорогу! Идут купаться 1000 слонов! – кричит толстяк.

Переводчики осматриваются. Вдалеке четыре кубинские пары занимаются любовью в воде. Вот интересная троица. Под простыней, натянутой на четырёх палках, лежат мальчик и девочка лет 14—15. А рядом на песке сидит, видимо, мать парня. Парень при всём честном народе всё время лезет рукой в плавки к девочке. Та его сдерживает рукой. Мать останавливает парня:

– Оставь Тереситу, наконец, в покое!

– Что хочу, то и делаю со своей невестой.

Мальчик лезет девочке под лифчик. Девочка отбивается от него обеими руками...

А вот мальчик лет пяти надул кусок презерватива, скрутил из него маленький шарик и стал его всё больше закручивать. Потом как даст этим шариком матери в лоб! Шарик с грохотом взрывается, а мамаша отвешивает оплеуху сыну за такие шалости.

Олег замечает у бара статную томную кубинку лет двадцатипяти:

– Володя, смотри, какая краля! Хева. Это по-кубински означает девица, фря. Гадом буду, если не закадрю. Спорим? На бутылку рома.

– Не смей меня.

– Ну давай хоть на пиво, а? Для интереса.

– А если увидят?

– Кто? Все купаются. Ну я пошёл. Как говорится, главное, впендюрить, а на войну всегда успеем.

Они ударяют по рукам, и Олег, развернувшись как мачо, начинает боевой заход.

– Давай, давай, дерзай, дон Жуан, – подзадоривает Олега Владимир.

Олег подходит к кубинке, галантно раскланивается:

– Прекрасный день, милая сеньорита. Самая красивейшая из наикрасивейших, самая очаровательная из наиочаровательнейших, самая прелестнейшая из наипрелестнейших, самая божественная из наибожественнейших, самая стройнейшая и милейшая во всём мире. Кубинская волшебница! Позвольте представиться. Меня зовут...

На лице кубинки возникла ехидная улыбка. Не выпуская из левой руки коктейль, двумя пальцами правой руки она хватает Олега за нос. От неожиданности он упускает первый

момент, когда ещё можно было вырваться. Но потом тыр-пыр, тых-пых, а вырваться никак не удаётся. Олег не осмеливается прикоснуться к кубинке руками. Вертит головой, краснеет, а вырваться не может! Наконец кубинка сжалась и отпустила его нос. Красный как рак Олег отскакивает от кубинки, пятится назад к Владимиру. Кубинка смеётся. Она грозит ему пальцем, мол, знай свой шесток. И делает ему знак, приглашая купаться.

– Схлопотал, однако, – шепчет себе под нос Олег.

Ему уже не до купания. Он потирает красный нос, а Владимир трясётся в беззвучном смехе.

– Ничего смешного, – трёт нос Олег. – Но всё равно, согласись, девочка что надо!

Он всё же показывает кубинке знак пальцами, который означает «Всё окей!» Но тут лицо Олега будто судорогой сводит. Он опускает голову вниз и, развернув Владимира за локоть, ведёт его прочь от бара:

– Атас, Володя. Сапрунец на подходе.

– Где?

Олег и Владимир под руку не спеша идут по пляжу к своим лежанкам.

– Тебе не показалось?

– Ложись и голову больше сегодня не поднимай! Вот кому лучше на глаза не попадаться. Опасный тип! Вроде бы к нам никакого отношения не имеет. Но постоянно около нас, переводчиков, вертится. Как будто его кто направляет. Выслеживает, вынюхивает.

Олег и Владимир ложатся на лежанки. Из-за бара выходит лысоватый полненький человек в массивных солнцезащитных очках и осматривает окрестность.

На берегу кубинский парень надевает на одну ногу ласт. В руках у него большой ящик со стеклянным дном. Он заходит в воду, опускает в воду ящик. Потом в ящик опускает голову. Двигая ластом, разметает песок под днищем ящика, осматривает дно, пытаясь найти потерянные купающимися драгоценности...

Через неделю Владимир после прогулки по проспекту Ведадо, посмотрев в кинотеатре «Яра» фильм с участием Алена Делона, провожает Марию. Они подходят к её дому, входят во внутренний дворик.

– Вот и пришли, – вздыхает Владимир, обмахиваясь газетой «Грамма».

– Что же теперь будет, Володя? – Мария показывает газету. – Война? Мы всё время живём в постоянном напряжении. Эта проклятая блокада, а теперь вот и этот теракт. Уничтожение нашего самолёта. Что дальше будет? Я очень боюсь. Снова эти американские агрессоры на нас нападут? Тогда весь народ поднимется. Мы свою свободу и независимость им не отдадим.

– Не бойся. Не будет никакой войны. И на Кубу мы не дадим никому напасть. У нас такая техника! Со мной ничего и никого не бойся. Мы сотрём любого с лица земли в один миг, если что.

– К чёрту этих американцев! Давай поговорим на другую тему. А купаться вы ездите?

– И купаться ездим, и моемся каждый день. Всё как у людей. Почти каждое воскресенье ездим.

– И моетесь? – смеётся Мария. – Вот уж не думала! Это ж здорово, что вы такие чисто-плотные. И на пляж ездите? А куда именно?

– На пляж Санта-Мария.

– В это воскресенье ты туда поедешь?

– Поеду.

– И я там буду.

– Значит, я тебя там увижу?

Мария опускает голову, кивает:

– Я буду купаться напротив бара.

– Там я и разыщу тебя в 10:00—10:30. Только не у самого бара, а метрах в 100 от него, правее. Хорошо?

– Хорошо. Почему такие предосторожности?

Владимир берёт её руку в свою:

– Чтобы поменьше болтали. Есть у нас два типа, которые за нами следят, чтобы мы не вели себя аморально. У некоторых язычки очень длинные. Мария, а я могу тебе позвонить?

– Звони. А ты ведёшь себя со мной аморально?

– Это они так считают.

– Кто?

– Есть у нас некоторые. Придурки. Мы с ребятами противоположного мнения. А какой твой телефон?

– 240—351.

– 240, 3, 5, 1. Запомнил. Я позвоню. Ну счастливо!

– Чао, бамбино!

Владимир целует её руку. Пальчики девушки выскользывают из его рук. Она проводит пальчиком по его руке и исчезает в темноте подъезда.

Владимир поправляет на рукаве повязку «Дежурный по части». Смотрит на свои часы: 23:00. За окном стрекочут цикады. В кабинете тихо звучит веселенькая испанская песенка «Почему ты уходишь?». Владимир глядит в окно на пустой плац, затем на дверь. Он встает, подходит к двери, открывает ее, выглядывает в коридор, там – никого. Владимир возвращается к столу, набирает номер. В трубке слышны гудки, потом доносится хриловатый мужской голос.

– Аллю. Слушаю.

– Доброй ночи! Извините, Мария дома? Можно ее к телефону?

– Доброй ночи. Секундочку. Мария! Это тебя!

Трубку берет Мария.

– Слушаю.

– Мария! Это я.

– А это я.

Владимир плохо слышит, плотнее прижимает трубку.

– Это кто подходил к телефону?

– Отец.

– А... а кто он у тебя?

– Команданте.

– Серьезно?

Мария тихонько смеется.

– А мама твоя кто? Тоже команданте?

– Нет, мама-домохозяйка. Но дома она настоящая команданте.

– А сестры, братья есть?

– Нет. Я одна. Ты звонишь, чтобы расспросить меня о моей семье?

– Нет. Но я узнал много интересного.

– А ты откуда звонишь?

– Со службы

– Что делаешь?

– Думаю. Как ты там? А ты?

– Тоже думаю.

– А ты о чем?

– Как ты там?

– Твои родители, наверное, уже спят, а я тут трезвоню. Пока? Мария? До встречи на пляже?

– Пока, Болодья, Болодыто. До встречи на пляже.

Коричневый «ПАЗазик» с советскими специалистами, подняв облачко пыли, останавливается на стоянке у пляжа Санта-Мария. Шум, гам. По радио звучит популярная песня английского певца Хампердинка.

На песке загорают четверо переводчиков. Владимир смотрит на часы:

– Ладно, пойду искупаюсь.

– Я с тобой, – встает, поправляя плавки, Денис.

– А я сначала пивка хлебну.

– Отлично! Давай сначала по холодненькому пивку вдарим? – пристал к нему Денис, как банный лист.

– А давай!

Владимир незаметно достаёт духи «Красная Москва» и прячет их в плавки. Они с Денисом идут в бар за пивом.

У стойки уже стоят несколько наших специалистов и переводчиков. Владимир покупает бутылку пива и тихонько исчезает из поля зрения Дениса и своих коллег. Он выходит из бара, заходит за металлическую сетку, обходит пляж и в ста метрах от бара находит Марию. Она в раздельном розовом купальнике с оборочками на лифчике и на трусиках. Лежит на песке. Читает.

Владимир очарован её красотой:

– Hola! Жарко, смуглянка?

Мария увидела Владимира, отложила в сторону книгу и быстро поднялась:

– Привет, Володя! Да, сегодня просто пекло!

– Ты очень красивая, – он откровенно ею любит.

– Правда?

– Правда!

Они долго держатся за руки, потом садятся на песок, обхватив руками колени. Молчат, глядя в голубую даль. Владимир машет рукой в сторону моря, чтобы побороть волнение.

– Интересно, сегодня нет «плохой воды», этих опасных обжигающих и парализующих медуз? – находит тему для разговора Владимир.

– Говорят, что нет. А ты уже и про «плохую воду», и про медуз с двадцатиметровыми щупальцами знаешь?

– Рассказали наши ныряльщики, охотники, кто подводной охотой увлекается.

– А ты?

– У меня пока ещё и ружья нет. Вот достану, тогда...

Владимир смущается, вертит бутылку в руках:

– Вот. Пиво хочешь? Хорошее у вас пиво по чешскому рецепту.

Мария берёт бутылку, делает глоток. Владимир достаёт духи, протягивает их Марии:

– Это тебе.

Мария отвинчивает колпачок. Нюхает. Духи Марии нравятся, и она неожиданно целует Владимира в щёку:

– Это мне? Спасибо!

– У тебя такая кожа!

– Какая такая?

– Необычная. Загорелая.

– Самая что ни на есть обычная. Я не загорелая. Я мулатка. И немножко метиска. И даже китайское во мне что-то есть.

– Глаза. А русское в тебе есть?

- Какой смешной! Русского во мне пока нет.
- Ну раз нет, пошли тогда искупаемся.
- Побежали.

Мария и Владимир играют в воде у берега. Он пытается слегка обнять девушку, но она ловко выскальзывает из его рук. Со второй попытки ему всё-таки удаётся чмокнуть её в щёчку. Мария брызгает на Владимира водой:

- В чём дело?
- Извини, споткнулся.
- Обо что споткнулся? О воду или песок?
- О рыбину. Вон смотри, какая проплыла!
- Издеваешься, да?
- Вот такая рыбища! Ударила меня по ногам.
- Значит, рыбина? Я-то подумала... А сейчас давай наперегонки!

Мария машет рукой и бросается в воду. Владимир кричит ей вслед:

- А акулы?
- Сам ты акула! У-у-у, акулища! Догоняй!

Владимир кролем бросается догонять Марию. Уже на глубине видит метрах в 30 от берега тонущего кубинского мальчика. Тот беспомощно барахтаясь и захлёбываясь, зовёт на помощь:

- Помогите!.. Помогите!.. Спасите!..

Владимир плывёт ему на помощь. Мария – за Владимиром. Тем временем мальчик исчезает под водой. Владимир ныряет, но с первого раза у него не получается. Он ныряет ещё и ещё. И наконец вытаскивает мальчонку на поверхность. Затем с трудом тянет мальчика до мелководья. Мария плывёт следом.

А в это время замполит Рытов в шортах, шляпе и с полевым биноклем на груди, насвистывая, идёт по пляжу. Подходит к вышке спасателей, поднимается на обзорную площадку. Там в тени зонта сидит разморённый спасатель. Рытов делает ему приветственный жест рукой, но тот не реагирует. Рытов наклоняется к нему, что-то говорит. Спасатель машет Рытову лениво рукой. Тогда Рытов подходит к ограждению и в бинокль осматривает берег. Там наши играют в волейбол. Там загорают. Кто-то пьёт пиво в баре. Рытов настраивает бинокль и видит вдалеке Владимира.

- Интересно, чего его туда занесло?

Спасатель показывает, что по-русски не понимает.

– Да я это не тебе, а себе говорю. Отдыхай. А русский учить надо! – втолковывает Рытов спасателю по-русски.

Но тот только вновь разводит руками и продолжает объяснять Рытову на пальцах, что он, де, не понимает по-русски. И машет рукой Рытову, мол, отстань и не мешай. А потом и вовсе, размахивая руками, рассердившись, прогоняет Рытова с вышки:

- Компаньеро! Здесь нельзя находиться посторонним, не положено.

Рытов упирается, но всё-таки, отдуваясь, спускается с вышки, чертыхаясь. Оскорблённый и обиженный до глубины души, он идёт на пляж.

С помощью Марии Владимир выносит мальчика на берег. Но происходит что-то непонятное: мальчик вдруг вскакивает на ноги, немного отбегает в сторону и начинает смеяться над взрослыми. Владимир срывается с места, чтобы поймать мальчика, но Мария останавливает его. Она сама догоняет мальчишку и хватает его за руку:

- Негодник! Кто же так шутит?! А ну, где твои родители? Или ты на самом деле тонул?

Пацанёнок вырывается, отбегает подальше, издали строит рожи и что-то кричит. Владимир берёт Марию за руку:

- Я думал, он уже захлебнулся, а он...

Некоторое время они молча идут вдоль берега моря.

– А ты у меня герой! Храбрец!

На ходу Мария прижимается к Владимиру. Они останавливаются около вещей Марии, оставленных на пляже.

– Мария, мне, к сожалению, надо идти, а то меня могут хватиться, – Владимир кладёт руку ей на плечо. – Я тебя очень прошу никому ничего не говори. Вечером я позвоню. Ладно?

– Но ведь ты спас его, этого артиста!

Влюблённые нежно прощаются. Владимир возвращается на своё место, ложится на полотенце, как будто спит здесь с самого утра. На Владимира падает тень. Он открывает глаза, щурится, закрывает глаза от солнца ладонью и видит склонившегося над собой человека в шляпе. Рытов!

– Как водичка? Тёплая?

– Валентин Михайлович, тёплая. Наплавался. Позагорать теперь хочу.

– Дело хорошее. Далеко, наверное, плавали?

– Так точно, далеко! До Майями и обратно.

Рытов грозит ему пальцем:

– Ну и шуточки у вас, лейтенант...

В воскресенье Мария и Владимир гуляют по парку Художеств, где находится Музей изобразительных искусств. Они заглядывают в окна галереи, проходят мимо одной из художественных студий. Здесь занимаются танцами молодые балерины. В другой студии Володя замечает группу художников, которые пишут с натуры, и засматривается на обнажённую натурщицу.

Мария это замечает, и ей это не нравится.

– Что там такого интересного? Ах вон оно что! Я думаю, что он там так рассматривает! Ничего там нет хорошего. Пошли отсюда. Это не для тебя. Ты ещё слишком мал, чтобы такое видеть.

– Я мал?! Да я уже...

– Мал! Мал! Я лучше знаю! Пошли вон туда. Смотри, какие своды и арки. Интересно, когда это построили? Ещё при испанцах или позднее?

– Я думаю, позднее.

Они выходят на площадь, в центре которой находится авангардистская керамическая скульптура вагины. Володя подходит к скульптуре, рассматривает её, трогает внутри руками. Мария смущённо отворачивается, как будто её вовсе это не интересует.

– Какая необычная вещь! Никак не пойму, что это такое. Что это, Маша? Чаша? Цветок? Роза? Или, может, ракушка? Развёртка? Что-то мне это напоминает.

– Ах, напоминает?! Это развёртка. Ракушка. Ничего особенного. Пошли! Там дальше ещё много интересного. Пошли! Пошли!

– Куда ты всё время меня тащишь? Я здесь останусь. У скульптуры. Вот сяду здесь и буду себе взрослеть на здоровье!

– Влади, ты хотел посмотреть, как растёт бамбук. Так пошли. А ты понравился моему отцу. Он говорит, хорошо, что ты военный.

– А мама твоя что говорит относительно меня?

– Она говорит, что ты робкий и скромный, стеснительный.

– А ты что по поводу меня думаешь?

– Я думаю, что ты просто ещё маленький дурачок!

– Хорошо же ты обо мне думаешь. Спасибо! Так значит? И охота тебе с дурачком...

– Не обижайся. Но что делать, если ты на самом деле не очень взрослый.

– Это поправимо. Молодость... Она проходит. И очень быстро проходит. И наступает старость.

Влюблённые, смеясь, отходят от скульптуры. И тут же к ней приближается группа кубинских экскурсантов, которых ведёт гид. Продолжая свой рассказ об известном кубинском скульпторе, гид показывает рукой на скульптуру, у которой только что стояли Владимир и Мария:

– А вот ещё одна авангардистская скульптура этого талантливого мастера керамики, – гид показывает на скульптуру. – Эта прекрасная скульптура, как вы понимаете, изображает очаровательную, нежную вагину. Можно легко заметить, что автор-новатор вложил в это своё высокопрофессиональное произведение, в эту прекрасную, восхитительную вагину, в этот потрясающий, изумительный женский орган всего себя без остатка, полностью, целиком. Внёс в неё всю свою трепетную душу, всё своё сердце, весь свой творческий пыл, порыв и темперамент. От этой вагины, просто невозможно оторвать взора. Она так к себе притягивает и так манит! Вы со мной, полагаю, согласны?

Экскурсанты в восторге закатывают глаза, кивают головами, соглашаясь. А Мария и Володя уже стоят в бамбуковой роще. Володя рассматривает ствол бамбука:

– Вот махина! Толстенная!

– Бывает и повыше.

– Смотри. Вот если отпилить здесь и здесь, а этот отросток загнуть сюда и приклеить, то что получится? Кружка. Пивная кружка!

– Она будет протекать.

– А если её покрыть лаком или ещё чем?

– Какой ты умный! Прямо инженер!

– Это комплимент?

– Конечно. У нас инженеры – самые почётные высокооплачиваемые люди. А у вас разве не так?

– А у нас не так. К сожалению, наоборот. Им мало платят. Профессия «инженер» не считается у нас уважаемой или престижной.

– А кто будет науку развивать, в промышленности работать?

– Проблема! Ладно, когда-нибудь придут к власти умные люди. Всё решится.

Владимир неожиданно поворачивается к девушке:

– Я тебя люблю, Мария.

Опешив, Мария сначала отшатнулась от него:

– Какой ты, однако, горячий, хоть и русский!

Она делает шаг к юноше, берёт его руками за отворот рубашки:

– И я тебя. Я тебя тоже люблю. Очень!

Влюблённые сначала робко, по-детски, а потом страстно целуются. Сумочка Марии падает на землю. С плеча Володи на землю соскальзывает фотоаппарат.

Фонари освещают пустынную улицу. В их таинственном свете колышется тропический воздух. Укрываясь за пальмами и кустами, Владимир ведёт к своему дому Марию:

– Когда я зажгу свет вон в том окне, а потом погашу, ты сразу иди. Хорошо?

– Хорошо.

Владимир бегом пересекает улицу. Отрывает дверь. В холле тихо, на втором этаже тоже тихо. Владимир подбегает к окну, смотрит на пустынную улицу, включает люстру. От света просыпается попугай в клетке. Он хлопает крыльями, хрипло кричит:

– Налей рюмочку! Налей рюмочку!

– Перебьёшься, – Владимир снимает с себя рубашку, накидывает её на клетку, гасит свет, распахивает дверь, выпускает Марию, закрывает за ней дверь.

Влюблённые обнимаются, целуются. На ходу они скидывают обувь. Юноша стягивает с девушки платье. Входят в комнату. Под звук цикад, в свете луны и уличных фонарей они падают в обнимку на кровать, подминая накомарник и путаясь в нём.

Мария высвобождается из лифчика:

- Подожди, я тебе помогу. А где твой сосед?
- В командировке. Наконец-то мы вместе!
- Я люблю тебя, Влади! Целуй меня! Целуй меня сильнее!

Недалеко от спального района «Наутико», на старой заброшенной, бетонной пристани любители подводной охоты: Ершов, Прохоров, Ключков и Дымоховский. На пристани лежат ружья, пики маски, ласты, ножи, трубки. И результаты охоты: морские ракушки, кораллы, рыбы, звезды, надутая колючая рыба-шар. Прохоров еще плавает. Островский неподалеку промывает ракушки. Три товарища беседуют.

– Да у многих наших мужиков здесь есть подруги. Кубинские. Или русские. Ничего плохого я в этом не вижу. Жизнь есть жизнь.

– Главное – помалкивать. Но если у тебя, Володька, серьезные намерения, то я тебе рекомендую поговорить по этому вопросу с моим шефом, с нашим Советником-посланником. Второй человек после посла. Он – душа человек. Клянусь. Тебе вреда не причинит, а посоветовать, как лучше оформить Ваши официальные отношения он может. Он не из этих, типа рытовых. Он с пониманием. Лучше его никто не подскажет. Может, тебе лучше Марию в Москву пригласить и там Вам расписаться. Не знаю. А вот в посольстве я тебе светиться не советую. Не к чему это. Перехвати Советника в неформальной обстановке. Прямо на улице. Он живет в гостинице «Сьерра Маэстра» и в посольство ходит всегда пешком к девяти утра. Он и по воскресеньям работает. Он сейчас без жены, поэтому ему заняться особенно нечем. Если надумаешь, я тебе опишу, как он выглядит.

– Я подумаю. Может быть ты и прав. Мир не без добрых людей. Спасибо за совет. А вот и наш Иваныч плывет. По-моему, он святой человек. Остриг, шутит с женщинами, но близко их к себе не подпускает. Говорит: «Ждет меня подруга не-ж-ная! И две дочки. Куда я от них?»

Прохоров подплывает к пристани, выплевывает маску, подтягивает к себе машинную камеру с садком на десятиметровой веревке для большей безопасности от акул и достает с победным видом из сетки осьминога. Подходит Островский.

– Братва! Вот! А вон там, в сорока метрах отсюда лежит на дне акула-кошка. Я один ее не возьму. Давайте сплаваем втроем, а лучше вчетвером. С разных сторон ее загарпуним. И в растяжку удержим.

– А она нас не загарпунит?

– Эта акула с усиками питается только планктоном. Я из нее Вам такое заливное блюдо сделаю. Пальчики оближете.

– А мочевина?

– Никакой мочевины! Свежачок не пахнет, если быстро ее разделать. Поплыли! Только тихо. Я укажу, откуда каждому заходить, то есть заплывать.

– Пошли! Нам акула-барракуда или, как там, карракула, нипочем! Мы акулу-карракулу кирпичом! Кирпичом!

Переводчики кто в кедах, кто в ластах, надевают маски, натягивают резину на ружьях и спускаются с пристани осторожно в воду, выбирая место, чтобы не наступить на морского ежа.

Выходной день. Владимир наскоро доедает завтрак, наливает в чашку кофе, с чашкой в руке поднимается на второй этаж к Олегу.

– Здорово! Как дела? Как настроение?

– Дела и настроение отличное! Олег, я иду к Косте Дымоховскому. Он меня приглашал в гости. Посмотрю, как ему там живется, в отеле.

– Счастливого пути. От меня горячий привет.

Владимир входит в холл отеля и ждет выхода Советника-посланника. И вот из лифта выходит советский дипломат вместе с каким-то кубинцем. Позади Советника, на расстоянии локтя, тенью движется Костя Дымоховский. Владимир отходит к стойке администраторов.

В этот момент Советник видит прямо на пути своего движения, посередине холла, на диване, свернувшегося калачиком человека. Тот сладко посапывает. Рубаха в клеточку и рязанская физиономия выдают в нем явно нашего соотечественника. Рядом с диваном валяются ботинки и носки. Советник делает вид, будто он ничего не замечает, провожает своего гостя до дверей отеля. Там происходят поклоны, улыбки, рукопожатия... Через стеклянную дверь Советник машет рукой своему кубинскому приятелю, потом круто поворачивается, подходит к спящему могучему парню и начинает его тормошить. Тот долго не просыпается, но, наконец, открывает глаза, поднимает голову и вертит ей по сторонам, ничего не понимая...

– Вы кто такой? – спрашивает его Советник раздраженно.

– А ты кто такой? – зло огрызается Галкин.

Дымоховский на него шикает:

– Это Советник посольства!

Несколько человек из толпы вторят ему.

– Я Советник советского посольства. А вот кто вы? И почему вы оказались здесь? В таком непотребном виде?

– Вставайте! Вставайте! Вам говорят!! – тербит Дымоховский Галкина.

Громадина встает. С хрустом потягивается. Владимир приближается ближе к происходящему, останавливается рядом.

– А я Галкин, специалист по сельскому хозяйству, прилетел сюда вчера. Меня друзья встретили... Ну, мы выпили немного за встречу в баре, потом я пошел к себе в номер, но забыл, где он, и присел здесь отдохнуть....

Галкин с трудом выговаривает слова. Во рту у него пересохло, губы плохо слушаются. Советник брезгливо его выслушивает, подводит черту.

– Сию минуту собирайте свои вещи и завтра... Нет. Рейс в Москву сегодня. Сегодняшним рейсом по моей брони вы летите обратно в Союз.

Не взглянув на Галкина, Советник движется к выходу. Дымоховский видит Владимира и незаметно ему кивает.

– Это же надо было так набраться!

Галкин, глядит вслед удаляющемуся советнику, чешет за ухом, садится на диван, натягивает, носки, ботинки.

– Вчера прилетел, выпил, а сегодня – домой. Ничего себе командировочка вышла! Прокатился!

Около Советника остается только Владимир, который слегка теряется и не может решить, подходить ли ему к советнику для душевного разговора или нет. Дымоховский подходит к Галкину.

Галкин растерянно мямлит:

– А мне теперь куда?

– В Союз, дружок. В Советский Союз!

Дымоховский пробирается в толпе гостей отеля к Владимиру:

– А ты чего здесь?

Владимир смотрит на обувающегося Галкина.

– Ты же знаешь. Хотел с Советником посоветоваться. Каламбур, какой! И к тебе в гости зайти.

– Видишь, какая ситуация возникла. Ты уж лучше в другой раз приходи. Извини. Я сейчас занят. И Советник не в себе. Пока!

Костя бежит за советником. Владимир в задумчивости и в растерянности стоит, потом выходит из отеля и идет в противоположную сторону от советника и Дымоховского что-то бурно обсуждающих.

Мария и Владимир сидят за столиком в кафе на улице. На площади рядом, на открытом воздухе играет симфонический оркестр. Многочисленные зрители слушают музыку. Дирижер, седой негр во фраке, грациозно машет палочкой.

– Чайковский...

– Со спины не вижу.

Влюбленные смеются. Владимир замечает среди слушателей знакомое лицо, которое скрывается за людьми. Он пристальнее вглядывается в темноту, но зрители заслоняют фигуру Сапрунца. Мария видит обеспокоенность Владимира. Сапрунец фотографирует Ершова и Марию, когда те, обнявшись, разговаривают. К ним подходит официант, ставит на столик два кофе. По улице проезжает «Волга». Владимир прячет лицо за меню, потом смотрит машине в след.

Мария берет чашку, пьет кофе, люблюсь архитектурой Гаваны. Мимо кафе идет Лаура.

– Привет Мария!

– Привет, подруга. Присоединяйся!

– Давно не видела тебя. Как ты?

– Нормально. Много работы.

Лаура беззастенчиво разглядывает Владимира. Трио певцов поет песню под гитары.

– Ты все там же работаешь?

– Нет. Я уже служу. Вольнонаемной. Перешла на военную службу к товарищу отца.

– Тебе легче. А тут крутишься...

– Как сказать!

– Подруга? – спрашивает шепотом Владимир Марию.

– Вместе заканчивали школу.

Все допивают свой кофе. Владимир подзывает официанта, чтобы расплатиться. Официант кладет на тарелочку счет, Владимир достает из кармана гуаяверы деньги. Мария и Владимир прощаются с Лаурой.

– Пойдем еще погуляем? Пошли в кино?

Мария и Владимир выходят из кинотеатра «ЯРА» и, обнявшись, идут по улице «Рампа». Владимир замечает, как нагоняя их, медленно движется серая «Волга». Владимир тянет Марию в переулок, где вместе с ней спрячется в темный дверной проем.

– Что случилось?

Владимир выглядывает из проема. «Волга» тихо проезжает мимо переулка.

– Ты кого-то боишься?

Владимир подбегает к углу дома, выглядывает из-за него, замечает, что «Волга» сворачивает на соседнюю улицу. Владимир и Мария выходят на улицу и направляются к оживленной улице. Здесь Владимир видит, что серая «Волга» стоит с потушенными фарами у тротуара. Он тянет Марию обратно в переулок.

– Пошли здесь.

Он показывает в темноту переулка. Мария молча идет рядом с ним.

– Скажи, Мария, ты хочешь, чтобы я улетел в Москву, через три дня? Хочешь?

Мария останавливается, свет из окна падает на ее испуганные глаза.

– Нет.

– И я не хочу. Я хочу быть с тобой. Навсегда!

– Я тоже, навеки!

– Тогда слушай. Эта «Волга»... посольская. Из нее следят. Если меня заметят с тобой, то сразу же вышлют в Союз. Без тебя. Понимаешь?

– Почему так? А если мы любим друг друга?

– Вот вопрос! Что в этом плохого? А получается то, что быть интернационалистом, с Кубой дружить – хорошо, а встречаться и любить кубинку – плохо. У нас как бы двойной стандарт. Что же делать?

– Какой стандарт? У кого?

Владимир показывает пальцев вверх:

– Там. Наверху. У власти. Мы-то к Вам кубинцам всей душой, а встречаться русским с кубинками-это они полагают аморально. А в чем аморальность? Если чувства! Любовь наконец!

– А может, там наверху люди в высоких кабинетах просто завидуют таким, как ты? Вот и устанавливают нечеловечные правила.

– А ведь точно! Какая ты догадливая! Я об этом и не подумал... Тем не менее... Меня накажут за то, что я с тобой встречаюсь. Если узнают. И сурово накажут.

Мария беспомощно смотрит в глаза Владимиру. Потом заливается смехом.

– А ты..., чтобы не наказали... женись на мне!

– Женись?

Мария смотрит в сторону, в светящемся окне напротив молодая кубинка укладывает ребенка в постель, на улицу доносится тихая колыбельная песня...

– Но как? Где у вас браки регистрируют? И можно ли и вам с иностранцем расписаться? Как твои родители, как твой отец на это посмотрит? Вот сколько вопросов!

– Моим родителям ты понравился. Зарегистрировать мы наш брак можем. Нужны только паспорта и свидетели.

– Моих свидетелей не будет. Не могу же я своих друзей подставить.

– Я приведу и моих свидетелей и твоих.

– А мой паспорт? Он же хранится в сейфе, в части. Не буду же я его красть?! Я не вор! Эх, сколько же нам еще тайком встречаться? А попадемся, меня вмиг выгонят с Кубы.

– А если я выйду за тебя, ты увезешь меня в Москву?

– Я... не знаю. Жена, обычно, едет за мужем...

– А ты не хочешь навсегда остаться со мной на Кубе?

– Да что говорить об этом. Рано еще. Без паспорта нас все равно не распишут. А паспорта нам выдают только перед самым отъездом домой.

– А когда ты уезжаешь?

– Через полгода, примерно. Если не продлят мое пребывание на Кубе... А продлевают женатым. Даже на три года.

Мария опускает голову, идет по мостовой.

– Ладно, Мари, мы ведь решили пожениться. Верно? Будем осторожны и рассчитывать на благоволение судьбы.

– Верно. Мы поженемся. Бог будет милостив к нам....

Мария останавливается, приподнимается на цыпочки и целует Владимира.

Молитвенно сложив ладони, Мария стоит на коленях перед скульптурой Богородицы. В храме никого. Только мальчик поет «Аве Мария». Мария горячо шепчет слова молитвы, по ее щекам текут слезы. Склонив голову, словно внимательно ее слушает, Богородица стоит над Марией. Тихо открывается боковая дверь. Луч света падает из соседнего помещения. Согбенная монахиня входит в храм, тенью движется вдоль стены к алтарю. Не замечая никого и ничего, Мария продолжает молиться. Солнечный луч падает на витраж, преломляется в нем, зажигает разноцветные краски, достигает скульптуры Богородицы и ног Марии. Монахиня видит эту картину. Ее испещренное морщинами лицо озаряется умильной улыбкой. Мария заканчивает молитву, поднимает голову и видит перед собой мудрое лицо монахини. Мария вздрагивает то неожиданности.

– Простите, матушка, я наверно нарушила тишину...

– Как тебя зовут?

– Мария.

Монахиня становится рядом с Марией на колени.

– Дева Мария, ты видишь перед собой это юное создание. Смиренно молим Тебя управь все, о чем она Тебя просит...

Около штаба Владимир внимательно изучает несколько страничек текста. К нему подходит Анатолий Ключков.

– Что, Володька, зубришь? Привет!

Владимир показывает текст.

– Вот выступление нашего генерала....

– А вообще, как дела?

– Нормалек! Лучше, чем вчера, но хуже, чем завтра!

– Нормалек, говоришь. Готовься, готовься. Может, еще и успеешь перевести выступление нашего генерала.

Глаза Владимира округляются.

– Чего глазки строишь, соколик!? Гуляешь с кубинскими девочками?! Гуляешь!

Анатолий отечески грозит Владимиру пальцем.

– С чего ты взял?..

– Рытов, наверное, тебе говорил, что Гавана город маленький? Гавана-то город большой. Но скрыться в нем трудно. Особенно, если ты нагло прешься в центральный кинотеатр. Я тебя видел с этой красоткой! Из соседней воинской части.

– Не болтай!

Владимир машет на него рукой, делает вид, что углубляется в текст.

– Вчера из «Яры» кто выходил?

Владимир озирается по сторонам. Анатолий похлопывает приятеля по плечу.

– Я тебя даже сфотографировал. Привезу фотокарточку.

Владимир старается виду не подавать.

– Чего ты добиваешься?! Хочешь орден на мне заработать? Не заработаешь!

– Завидую я тебе, старик. Такую красивую хеву отхватил! Дух захватывает! Но на рожон лезть не советую. Первым же самолетом в Союз улетишь. Я тебе добра желаю, дурная твоя башка! И чтобы твоя дурная голова осталась цела. Ты что, совсем спятил? Не ты один встречаешься с кубинками. И командование наше на это глаза обычно закрывает. Но делать это надо с умом. Осторожно. Не так как ты. Ты знаешь, что по Гаване и тем местам, где живут русские, курсирует «Волга» и высматривает, а что там вытворяют наши мальчишки? А? Она тебя еще не заловила? Странно.

– Про «Волгу» уже слышан. А вот зачем ты меня фотографировал?

– Успокойся! Не фотографировал я тебя!

Владимир недоверчиво качает головой.

– Я это тебе сказал, чтобы поугагать тебя. Это я чтоб до тебя лучше дошло! Чтоб ты поосторожнее был! А то кто-нибудь другой сфотографирует!

Владимир набрасывается на приятеля, тот со смехом обороняется....

– Ладно, я помчался. Женишься – на свадьбу пригласи!

– А это возможно?

Анатолий спотыкается на ровном месте.

– Можно. Только осторожно.

– Спасибо тебе.

Владимир обнимает Анатолия.

– Тогда я женюсь! Назло врагам, на радость маме! Если не продадите меня, не заложите!..

– Своих не сдаем. Кодекс чести переводчиков!

По коридору врачи быстро везут на носилках русского рыбака, получившего ожоги. Рядом с ним идет переводчик.

– Лейтенант Ершов! – спрашивает Кулик Владимира, – В Рыбном порту, в сухом доке случился пожар. В его тушении приняли участие наши рыбаки, которые там ремонтируют суда. Из ремонтно-подменного состава. Некоторые отделались небольшими ожогами, но один пострадал сильно. До 80 процентов ожогов поверхности тела. Состояние этого героя тяжелое. Он в коме. Кубинские врачи просили выделить переводчиков для дежурства с этим ожоговым больным. Когда... если он заговорит... У Минрыбхоза переводчиков всего два человека... И они просили нас им помочь. Можете подежурить?

– Есть подежурить! Когда приступать?

– Сегодня в 16.00. Вас будут возить по графику дежурства. Свободны!

– Есть свободен!

Владимир надевает на себя зеленого цвета штаны, рубашку, куртку, Бахилы матерчатые до колен, шапочку и зеленую марлевую повязку. Моет руки, натягивает перчатки и из коридора через изолирующую комнату проходит в палату, где рядом с лежащим на кровати в бессознательном состоянии молодым, большого роста парнем лет тридцати сидит в медицинском кресле другой переводчик. Из Рыбного представительства. Переводчики приветствуют друг друга пожатием руки.

– Ну, как наш рыбак?

– Плохо. В сознание не приходит, хотя врачи здесь отменные и делают все возможное. Ждем присылки спецрейсом из Москвы плазмы крови его редкой группы. На нее последняя надежда. У кубинцев, как на зло, сейчас именно такой плазмы нет.

– А что говорят врачи?

– Говорят, что делают все возможное, некоторая надежда на его молодой сильный организм, но восемьдесят процентов ожога поверхности тела-это практически летальный исход.

– Жаль очень парня. У него жена дома и две маленькие дочки. Этот пожар в сухом доке... Сегодня в газете «Граμμα» статья о героическом поступке этого Сергея. Кубинцы говорят, что его наградят медалью за отвагу на пожаре, за спасение людей. В общем, что-то в этом духе.

– Давай! До следующей встречи!

Переводчик от рыбаков кивает головой и выходит, а Владимир садится в освободившееся кресло и смотрит на осциллографы, на умирающего рыбака. Потом подходит к Сергею, спрашивает его о самочувствии, пытаясь привести его в сознание, но рыбак в коме и в сознание не приходит....

Владимир выбирается из многоцветной толпы, подходит к продавцу, перед которым корыто с битым льдом и бутылками пива на нем, лезет в карман за деньгами и видит, что к нему направляется Рытов с супругой.

– Веселимся, Владимир Максимович, развлекаемся?

– Да, уж, праздник... Здравствуйте, Ольга Яковлевна.

Владимир бросает взгляд в толпу, замечает Марию и понимает, что Рытов мог заметить его с Марией.

– Интересное зрелище, – Рытов смотрит в толпу, потом на две бутылки пива в руках Владимира, – Один?

Владимир неуверенно кивает головой, отхлебывает пиво из одной бутылки потом из другой.

– Что так? А где друзья?

– Кто дежурит. Кто где!

Мария из толпы замечает Владимира, беседующего с Рытовым, скрывается за спиной зрителя.

– Понимаю... Ну-ну, не будем Вам мешать.

Владимир раскланивается с Рытовым и с его женой, идет ближе к шествию. Рытов пристально наблюдает, как Владимир пробирается сквозь толпу.

– Оленька, ты ничего не заметила?

– Когда?

– Да вот сейчас.

– Нет.

– А я заметил, как от этого прохвоста шмыгнула в толпу кубинка. Симпатичная. Наверняка его пассия. Разлагается Ершов! Освоился, обжился... и натурально нагло разлагается!

– Да пусть себе гуляет пока молодой!

Рытов останавливается около киоска «Мороженое», протягивает продавцу деньги, показывает ему два пальца.

– Нельзя, Оленька! Аморалка всегда чревата абортами, внебрачными детьми, половыми болезнями...

Продавец протягивает Рытову две порции мороженого. Рытов ждет сдачу...

– Так уж и чревата? Валентин, оставь мальчика в покое.

– Ничего ты не понимаешь. Мальчик! Это моя служба, моя работа. Еще Юлиус Фучик сказал, что надо... Ну, ты знаешь...

– Да пошел ты со своим Фучиком! Надоел уже! Достал!

Ольга Яковлевна вклинивается в массу ликующих кубинцев.

– Оленька! Нельзя так о Фучике! Оленька! Подожди! Куда же ты? Я тебе все объясню!

Владимир и находит Марию, протягивает ей бутылку пива, сам жадно пьет из своей.

– Пронесло!

– Чуть не влипли?

– Ага! Ладно, пошли поближе...

Владимир тащит Марию сквозь толпу. Молодые с интересом наблюдают за проезжающими карросами, с танцующими на них танец живота артистами и участниками художественной самодеятельности в расписных карнавальных нарядах. Жена Рытова с удовольствием разглядывает счастливых влюбленных. Рытов с мороженым протискивается к Ольге Яковлевне, но она отводит мужа в противоположную сторону, подальше от Владимира и Марии.

Влюбленным приходилось искать места для своих уединенных встреч. С этим тоже была проблема. В Гаване женихам с невестами практически не было где встречаться. И правительство выделило для этих целей из гуманитарных соображений несколько домов типа гостиниц, где парочки могли интимничать. Но там было все на виду. Причем попасть в эти дома свиданий можно было только по предварительной записи. Можно было наблюдать такую интересную картинку. Около дома свиданий стояли две длинные очереди друг напротив друга. Одна очередь – из невест девчонок и женщин и другая, напротив, – из разного возраста женихов. Женщины общались между собой в своей очереди, а мужчины – в своей. А когда подходила очередь очередной парочки, они брались за руки и входили в дом свиданий, как в ЗАГС. Там они снимали номер, заказывали редкий в продаже ром или пиво, закуску, сладости и проводили в этом номере строго определенное время.

Можно было хотя и с трудом попасть и в дома свиданий бывшей аристократии. Там было так все продумано, чтобы жены и мужья не могли застукать там своих супругов и супружниц с любовниками и любовницами. К особняку, который располагался в густом лесу, с четырех сторон через лес вели четыре дороги. За воротами машины могли повернуть направо или налево к гаражам, а там, прямо от гаражей вели несколько отдельных закрытых входов в изолированные номера. Так что проследить за кем-либо было невозможно. Теперь эти дома свиданий принадлежали народу. Владимиру и Марии удалось ими несколько раз воспользоваться. Но вот в городе им встречаться было негде и рискованно...

Воскресенье. Вечер. За углом от особняка Владимира тихо прогуливается Сапрунец. Он одет под кубинца. Наконец он замечает, что из дома выходит Владимир и направляется к автобусной остановке. Ершов садится в подошедший автобус. Сапрунец в «Москвиче» тихо трогается с места и на почтительном расстоянии едет за автобусом. В центре города автобус останавливается. «Москвич» тоже. Владимир выходит из автобуса, подходит к входу в гостиницу «Националь». Сапрунец выходит из машины, достает из сумки фотоаппарат, быстро проверяет его, прячет в сумку, идет вдоль кустов, отделяющих тротуар от входа в отель. Владимир встречает Марию и целует ее. Сапрунец выхватывает из сумки фотоаппарат, но сделать снимок не успевает. Влюбленные скрываются в гостинице. После гостиницы парочка направляется в кабаре «Тропикана» на 1200 мест, где легко затеряться среди зрителей. Сапрунец перебегает из одной линии кустов за другую. Фотоаппарат на изготовку. Мария и Владимир останавливаются перед входом в «Тропикану» около фонтана «Хоровод». Мария что-то говорит Владимиру. Сапрунец делает несколько снимков парочки. В кабаре Сапрунец делает еще несколько снимков, когда влюбленные смотрят концертную программу и целуются. И, довольный, уходит.

– А вот и наша гуагуа, – показывает рукой Мария на подходящий зеленый автобус с красной полосой по бортам.

Двери автобуса закрываются. Мария и Володя стоят. Пожилая кубинка, сидящая с краю, предлагает любезно Володе поставить его портфель к себе на колени, чтобы ему было не тяжело его держать всю дорогу. Володя стеснительно отнекивается, но Мария его уговаривает поступить так, как предлагает кубинка. Натужно завывая, автобус ползет в гору. Когда места освобождаются Владимир и Мария садятся. Владимир достает фотоаппарат, фотографирует Марию. Мария шутливо позирует. Сидящий на задней площадке пожилой кубинец, улыбается.

– Я так смотрюсь?

Владимир спрашивает у кубинца, мол, как вам? Тот кивает утвердительно. Мария снова позирует.

– А так?

Владимир снимает. Та же игра с кубинцем. Владимир вздыхает.

– Не вздыхай ты так тяжело!

Рейсовый автобус едет по живописному кубинскому шоссе. Владимир и Мария сидят на заднем сидении. Мария показывает в окно, о чем-то рассказывает Владимиру. Владимир внимательно слушает ее, незаметно для окружающих целует Марию в щечку. Мария взглядом укоряет его...

По каменистой тропинке Владимир и Мария спускаются к небольшой деревне на берегу моря. С одной из лодок, лежащих на берегу, поднимается мальчишка, смотрит в след Марии и Владимира, потом бежит в сторону леса, где находится площадка для выезда лошадей. Там гарцуют на лошадях несколько молодых людей. Один из них метко, как на родео, набрасывает лассо на левую заднюю ногу коня, ловко подсекая скакуна на бегу.

Мария и Владимир подходят к деревянному дому, входят во двор. В отгороженном плетнем дворике – куры, за загородкой хрюкают два поросенка. В углу двора лежит в каменном бассейне в воде огромная морская черепаха.

– Бабушка!.. Дедушка!..

Из дома выходит пожилая кубинка, всплескивает руками, бросается целовать внучку.

– Мария! Старик, посмотри, кто к нам приехал! Мария приехала!

Из-за сарая появляется колоритный седой мужчина с сигарой и в соломенной шляпе. Он неторопливо подходит к приехавшей парочке, внимательно смотрит на Владимира, кивает ему, обнимает внучку. Владимир протягивает ему руку.

– Знакомьтесь. Это Владимир. Военный переводчик. Служит в Гаване. Из России.

Бабушка всплескивает руками:

– Ай-яй-яй! Из России!

Старик пожимает руку Владимира, жестом приглашает его и Марию в дом. Мария ставит на стол тарелку с зеленью, кладет на стол столовые приборы. Старик любящим взглядом смотрит на нее...

– А родители что говорят?

– Мама с папой согласны.

Старик улыбается, сокрушенно качает головой.

– Мария, когда же ты успела вырасти? А, Мария! Ведь еще вчера ты плакала, когда я тебя на рыбалку не брал!..

Мария смущается, идет на кухню помогать бабушке. Старик смотрит на Владимира. Владимир достает из сумки бутылку дорогого рома.

– Мы любим друг друга. И хотим пожениться. Жить будем в Москве.

Мария, старик, старуха и Владимир сидят за столом. Старик берет со стола бутылку, наливает в стаканы ром, смотрит на Владимира.

– Мария приехала просить Вашего благословения. Благословите ее, пожалуйста!

Старик смотрит на старуху. Та начинает плакать.

– Как он по-нашему шпарит! Молодец! Что же ты плачешь, Анна? Просто наша Мария выросла...

Старуха вытирает слезы, поднимается, молитвенно складывает руки, подходит к стене с распятием...

Вечером в деревне праздник. На площади около кафе собрались односельчане: молодые и пожилые. Играет музыкальный квинтет. Два гитариста и три барабанщика. Все танцуют румбу, самбу, сальсу. Владимир тоже пытается танцевать сальсу с Марией. У него это неплохо получается. Но все-таки он понимает, что лучше уступить площадку. Владимир отходит в сторону, садится около стариков Марии. Колоритная кубинка показывает ему большой палец, смеется беззубым ртом...

На площадку выходит стройный высокий кубинец, начинает хлопать в ладоши, гитаристы ускоряют темп. Мария хочет уйти, но парень преграждает ей путь, и тогда Мария начинает танцевать. Владимир понимает, что это не просто танец, а выяснение отношений. Он оборачивается к бабушке Марии, тот поощрительно кивает Владимиру. Владимир неотрывно следит за танцем... Мигель, так зовут парня, энергично хлопает, задавая головокружительный ритм.

– Значит, жениха привезла... А я тебя так ждал.

Мария выдерживает этот ритм, идет по кругу...

– Мигель не сердись, родной. Я полюбила...

Мигель делает несколько резких эффектных па, зрители восторженно цокают языками.

– Мы же обручены. Ты против Бога, против обычаев идешь.

Мария отвечает ему не менее эффектно, ноги ее выделывают какие-то немыслимые па.

– Обручены. Да. Но сколько времени уже прошло. И я тебе ничего не обещала. Не правда ли? Сердцу не прикажешь, Мигель. Володя очень хороший.

Мигель снова хлопает, еще более увеличивает ритм. Гитары и барабаны едва успевают за ним. Некоторые из зрителей, увлеченные танцем встают со своих мест.

– А как же я? Я ведь тебя с детства люблю. Вот пойду сейчас и зарублю твоего друга.

Мария буквально парит над площадкой...

– Тогда ты меня убьешь. Я его люблю. Понимаешь? На всю жизнь. А с тобой мы дружили. Не больше. Я тебя не... И никогда не давала тебе повода считать меня твоей собственностью. Чтoб ты сейчас строил из себя оскорбленную невинность.

Мигель делает эффектную остановку перед Марией.

– Я тебя не считал своей собственностью. Но я тебя ждал. Надеялся. Тебя бабушка не благословит.

– Уже благословила. А надеялся ты зря. Я намеренно тебе не писала, чтобы ты не строил планов. Я не извиняюсь перед тобой, потому что ни в чем перед тобой не виновата. Время... детство... Мигель, пойми: уже ничего не изменить. Будь мужественным. Прошу тебя.

Мигель хочет обнять Марию, но она отталкивает его руку и на музыкальной коде ставит эффектную точку. Зрители это оценивают бурными аплодисментами, Мария идет к Владимиру, и садится с ним рядом. Мигель раскланивается перед зрителями, приглашает на поклон Марию, но она не выходит, тогда он подходит к ним... Мужчины долго и пристально, хмуро смотрят друг другу в глаза, пока их не разводит Мария.

– Надолго в наши края?

– На выходные. Завтра назад. Ну, что? Мир и дружба?

Владимир поднимается, протягивает руку Мигелю. Тот нехотя под кивание головой Марии слегка пожимает Володину руку.

– У нас тут небольшое ранчо. Не желаете поутру, на лошадях прокатиться?

– Ты нам все в округе покажешь, гаучо?

– Покажу. Что с вами делать? Эх, Мария, Мария! Я так мечтал, что мы будем вместе.

Все! Все! Мигель, пошли веселиться. Ты вон, какой стал. За тебя любая пойдет.

Мария поднимает бабушку и дедушку, обнимает их и приглашает на танец. Дед танцует с внучкой под аплодисменты односельчан.

– А сейчас, – говорит один из местных парней Хавьер, – мы покажем нашему гостю, как надо танцевать «горячие» танцы. Эй, ребята! Давайте исполним наш заводной танец для гостя из Москвы. Владимир! Присоединяйся. Смотри, как танцуют настоящие кубинские парни настоящий кубинский танец!

Молодые парни и девушки танцуют сексуальный, бурный, чувственный «горячий» танец. Владимир и Мария к ним присоединяются.

В свете красного фонаря Сапрунец печатает фотографии: выкадровывает, проявляет, закрепляет. На стекле сохнут фотографии с изображением счастливых Марии и Владимира.

Ольга Яковлевна переворачивает страницу книги, смотрит на часы на туалетном столике. В спальню входит Рытов.

– Ну, вот. Хана пришла твоему Ершову!

Ольга Яковлевна вопросительно смотрит на супруга.

– Застукали и засняли его с его кубинкой. Теперь он не отвертится! Вышлем в Союз ближайшей лошадей.

Рытов выходит из спальни, достает из портфеля черный конверт из-под фотобумаги, вынимает из него фотографии, возвращается в спальню.

– Можешь полюбоваться. Очень профессионально снято. Лица четкие. Действия конкретные. Блуд во всей, так сказать, красе.

Он раскладывает фотографии на одеяле, жена наблюдает за его действиями.

– Зачем тебе это нужно? Никак не пойму. Ты-работник с кадрами. Хороший работник. Вот и веди свою работу. А зачем жизнь людям ломать? Влюбленных разъединять? Никогда не пойму!

– Как зачем? Для порядка! Политработа, а ты это прекрасно знаешь, и заключается в обеспечении здорового морального климата в войсках.

Ольга Яковлевна видит на одной фотографии целующихся Владимира и Марию.

– Ну, для какого порядка? Морального? А если двое любят друг друга! Это только укрепляет веру молодых в будущее, веру в дружбу народов, в поддержку государством молодых семей. Вспомни, сколько русских и иностранцев переженились после Международного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 году! А ты хочешь поставить счастье и будущее молодых под сомнение. От тебя одного сейчас зависит их судьба. Ты что, бог, чтобы так решать

их судьбу? Если ты парня, как ты говоришь, для порядка опорочишь, или настрочишь на него что-нибудь в Москву, я тоже в Москву улечу.

– Никуда ты не улетишь. Ты не знаешь, чего мне стоила эта командировка на Кубу!

– Улечу!

Рытов спохватывается и переходит на свистящий шепот, тычет пальцем в стену.

– Знаешь, сколько у меня там завистников! Только и ждут удобный момент, чтобы занять мое место. Ну, уж... не дождутся! Я этого Ершова...

Ольга Яковлевна снова берет фотографии, рассматривает их...

– Как тебе не стыдно, таким способом карьеру делать? Что он, шпион какой? Нет! На хорошем счету переводчик. Есть люди, которые занимаются шпионами. Пусть они делают свою работу, а ты делай свою. Не позорься перед людьми, Валя.

– Оля! Ты не стыди меня, не надо! Это мой профессиональный долг! Пресекать, если что...

Ольга Яковлевна рассматривает одну из фотографий. Ту, на которой Мария и Владимир стоят у фонтана «Хоровод» при входе в кабаре «Тропикана».

– Не трогай ты этих ребят. Пусть себе любят. Вспомни. Мы тоже были молодыми. Если некоторые старперы оттуда, наверху, и думают, как им кажется правильным, то это не значит, что они правы во всем. У нас с тобой своя голова есть и совесть.

Рытов собирает с одеяла фотографии.

– Да. Мы были молодыми. Но на Родине, а не за границей.

– Помню я твои ухаживания.

Рытов берет из рук Ольги Яковлевны фотографии.

– Что ты помнишь? Оля? Что? Как ты не хочешь понять, что если я поставлю без внимания этот случай, то, если что, с меня спросят по полной программе. В худшем случае я получу выговор по партийной линии или предупреждение о не полном служебном соответствии. Этот мальчишка! Как он себя ведет! Еще не оперился, а уже... летает! Тоже мне, орел! Пренебрег, наплевал на все правила, установленные для нас всех. И думает, что все ему так просто сойдет с рук! Нет, матушка моя, не сойдет!

– Все! Лучше не трогай меня! Я спать хочу! Лучше получить несоответствие, чем испортить жизнь безвинным людям. А у тебя, оказалось, уже есть успехи на этом поприще. Это я поздно узнала. Я бы тогда не допустила твоей ошибки.

– Так уж и ошибки...

– Ты все утрируешь! Ты просто рьяно спешишь исполнить чьи-то там дурацкие указания. А ты этого мальчика к себе вызывал? Поговорил с ним по душам? Доверительно? Предупредил? Предостерег? Нет! Что молчишь?

– Я его инструктировал, как только он приехал...

– Вот! И все! А когда он оступися, как ты говоришь, почему с молодым человеком, начинающим жизнь, не побеседовать? А ты сразу его в Союз выслать хочешь! Тебе бы лишь самому отличиться! А человек на всю жизнь невыездным станет! А там его и из комсомола могут попереть! И все! Вся жизнь парня насмарку!

– Сам виноват. Я ему не нянька. А кто не хочет отличиться, скажи мне!

– Только не таким образом!

– А если бы он попал в капстрану?

Ольга Яковлевна на секунду теряется, не находя подходящих слов.

– А в капиталистические страны холостяков не направляют! Вот!

Ольга Яковлевна отворачивается от мужа, выключает бра. Рытов убирает фотографии в конверт, тихо выходит из спальни.

Обеденный перерыв. Владимир на кухне за обе щеки уплетает макароны. Прямо перед ним по кафельному полу цокает «шпорами» попугай. Он голосом радиодиктора вещает по-испански.

Попугай говорит по-испански:

– Охо кон ель пико. Си, кон эль пико электрико. Энтре лас синко и съете де ла noche ла деманда де ла электрисадад альканса су нивель мас альто. Ло ке се льяма эль пико электрико...
(... граждане экономьте электроэнергию. Это наша валюта. Это импортная нефть!)

В дверь звонят, потом стучат. Владимир перестает жевать, идет в прихожую. За дверью стоит взволнованная Ольга Яковлевна со свертком в руках. От неожиданности Владимир не сразу приглашает супругу Рытова в дом.

– Здравствуйте, Ольга Яковлевна. Извините, обедаю.

Ольга Яковлевна решительно входит в холл. Попугай с перепугу взбирается к себе на полку и скрывается в клетке.

– Владимир! Времени в обрез. Сегодня, совсем скоро, после обеда, мой благоверный предъявит вам фотографии с вашей девушкой, которые тайно сделали, следя за вами. Он хочет отправить вас домой и исключить из комсомола.

Владимир ничего не понимает, машинально приглашает гостью пройти в комнату.

– Вот, берите! Это фотографии.

Ольга Яковлевна разворачивает сверток и протягивает его Владимиру. Владимир берет фотографии, рассматривает их.

– Не знаю, как Вас и благодарить, Ольга Яковлевна. Мы так любим друг друга...

– Володя, можете мне ничего не объяснять.

– Снимки... да, но ведь есть еще и негативы...

– Что? Негативы? Да, а я как-то не подумала, но ничего мне тогда надо скорее... Я еще успею...

Она идет в прихожую, выходит за дверь, поспешно уходит. Владимир смотрит на часы, бежит на второй этаж. На балкон. Здесь Владимир в мусорном ведре сжигает фотокарточки.

Владимир выбегает из дома на улицу и бежит, нарушая движение, вдоль дороги в часть. Машины обгоняют его. Водителей недовольно сигналият ему, показывая ему на пальцах рога и обзывая его «козлом», но Владимир не обращает на это внимания. Приближаясь к части, он видит в конце улицы знакомый автомобиль. Владимир перебегает на другую сторону улицы и спокойно направляется навстречу машине замполита. Рытов притормаживает около Владимира.

– И куда мы направляемся?

Из дома на службу. Показалось, что забыл выключить утюг. Вот, пришлось сбежать и проверить.

– Так-так. Бегаете. А у меня к Вам, лейтенант Ершов, дело есть. Зайдите ко мне минут через пятнадцать.

– Есть прибыть к вам через пятнадцать минут!

На ощупь Рытов проверяет, лежит ли портфель на соседнем сидении, давит на газ, и подъезжает к шлагбауму части. Часовой у проходной мешкает, и Рытов громко ему выговаривает.

Рытов проходит в кабинет, небрежно бросает портфель на стол, подходит к холодильнику, достает из него минералку, наливает себе в стакан, с удовольствием пьет. Потом он подходит к столу, достает из портфеля черный конверт из-под фотобумаги, кладет его в стол. Потом, подумав, перекладывает его на стол и прикрывает газетой. В дверь кабинета стучат. Рытов смотрит на часы, удовлетворенно хмыкает.

В кабинет заглядывает Владимир. Рытов кивает ему, мол, заходи. Владимир входит в кабинет.

– По вашему приказанию прибыл.

– Явился – не запылится.

Рытов снимает очки, протирает их, откидывается на спинку стула.

– Садитесь лейтенант. Как вам, э-э-э, фотоохота... Как вообще к фотографии относитесь? Признаете ее как искусство?

– Вообще-то – положительно, но если честно...

Рытов вдруг вскакивает с места, словно его укусили.

– А только так и надо Ершов. Честно! Без двуличия и лукавства там всякого. Только честно!

Владимир пожимает плечами.

– Я хотел сказать только...

– Вот это действительно интересно! Что вы можете сказать в свое оправдание, товарищ лейтенант, а? По-честному!

Владимир встает со стула, одергивает рубашку.

– Товарищ подполковник, я прошу объяснить, о чем идет речь.

Рытов берет стул, ставит его чуть сбоку стола, напротив Владимира.

– Я вас предостерегал от отношений с иностранками?

– Предупреждали.

– И что?

Рытов садится.

– Ничего.

– Что значит «ничего». Хамите? Мне? Так уж и ничего?

– Я и не думаю вам грубить.

Рытов откидывает газетку, берет со стола конверт с фотографиями, протягивает его Владимиру.

– Взгляните-ка, лейтенант, может, кого из знакомых узнаете...

Владимир берет конверт, открывает его, смотрит фотографии.

– Ну, что я могу сказать... неплохо... Это все?

Владимир перебирает фотографии, просматривает их еще раз.

– Я не специалист, но, по-моему, весьма приличный уровень.

– Смотрите, Ершов, внимательно смотрите. Теперь из-за этих фактов не через месяц в отпуск, а через неделю насовсем в Союз поедете. Навсегда. С вещами. Вот так! Со мной шутки не проходят, Ершов. Дошло? Я аморалку не прощаю. И хамства тоже не прощаю.

Владимир встает, кладет фотографии на стол, и тут только Рытов замечает, что фотографии не те. Он хватается их и лихорадочно перебирает, стараясь понять, откуда взялись эти открытки с видами Кубы, Гаваны и несколько фотографий из его домашнего альбома...

– Вообще-то не до тебя мне сейчас, Ершов. У меня поважнее дела есть.

Владимир улыбается, но на его беду Рытов замечает эту улыбку, и лицо его бледнеет, и губы начинают мелко трястись...

– Вот что я вам скажу, Ершов. Завтра же вы отбудете отсюда в отпуск. Благо, что он у Вас на носу...

– Он у меня через месяц.

– Месяц туда, месяц сюда. Ступайте в свой отдел, и пусть Кулик действует по предписанию. Отдыхайте, Ершов. Без Вас пока обойдемся. А там – поглядим. Все! До свидания!

– До свидания, товарищ подполковник.

Рытов машет на него рукой, Владимир выходит. Рытов хватается портфель, роется в нем в поисках фотографий, но их там нет. Рытов садится за стол, достает из верхнего ящика стола лист бумаги и начинает писать.

– Он сюда больше не вернется!

Владимир входит в кабинет Кулика, тот кладет телефонную трубку, вскидывает на Владимира взгляд.

– Я в курсе. Только что говорил с Рытовым.

Владимир машет рукой, тяжело опускается на стул. Кулик снимает трубку с аппарата, набирает номер.

– Аэропорт? Соедините меня, пожалуйста, с 4—75. Клочков? Здравствуйте. Это Кулик. Узнали? Хорошо. А у нас к вам просьба. У нас отбывающий есть. На завтра места есть? Что? Нет? Есть.

Кулик скашивает взгляд на Владимира. Тот сидит, опустив голову. Кулик зачем-то прикрывает рукой трубку.

– Лейтенант Ершов. Да. Завтрашним рейсом. В отпуск, но... в общем, приезжайте. За паспортом Ершова.

Владимир поднимает голову, смотрит мимо Кулика, тот кладет трубку, сочувственно качает головой, поднимается.

– Володя, вы посидите здесь пока. Я в отдел кадров схожу.

Кулик идет к двери, оборачивается к Владимиру.

– Да не расстраивайтесь вы так, Володя. Всякое у нас бывало! Может, образуется еще все. Но ай маль ке пор бьен но веньга! Знаете? Это пословица такая. Нет худа без добра! Во всех языках такая есть.

Владимир не отвечает ему, только ниже опускает голову. Кулик выходит. Владимир смотрит на закрывшуюся за ним дверь, затем на телефон, снимает с рычагов трубку, набирает номер.

– Мария?.. Ее нет? Вышла. Спасибо. Передайте, что ей звонил Владимир... Он ждет ее в восемь.

Кулик входит в отдел кадров, подходит к стойке, заглядывает за нее. Там никого. Кулик стучит по стойке, из смежной комнаты выходит капитан Семенов, молча кивает Кулику, мол, что надо.

– Паспорт моего офицера, лейтенанта Ершова, выдайте, пожалуйста, Клочкову для оформления авиабилета. Завтра Ершов улетает в отпуск.

Семенов молча кивает, берет из стола связку ключей, открывает сейф.

– А чего спешка такая? Только что и Рытов звонил, тоже сказал паспорт выдать...

Кулик пожимает плечами, нетерпеливо постукивает по барьеру.

– Стараюсь не вникать. Сам понимаешь...

Семенов достает из сейфа паспорт, кладет его на стол.

– Догадываюсь... И когда только молодняк наш поумнеет? А?

Кулик качает головой и, досадливо махнув рукой, выходит из отдела кадров.

Рытов ставит свою размашистую подпись под документом, втыкает ручку в колпачок, бросает взгляд на фотографии на столе, хватая трубку телефона.

– Оля! Где фотографии? Ты меня просто без ножа режешь!

– Там, где и должны быть. Мусорка увезла.

Рытов бросает трубку, сверкнув очками, набирает номер.

– Сапрунец? Слушайте... Тут такое дело... Ты мне еще комплект фотографий не напечатал? Сегодня. Спасибо. Тогда подсказывай ко мне вечером за негативом. Ну, хорошо, хорошо. Я занимаюсь твоим переводом. Занимаюсь. Как обещал.

Сапрунец что-то говорит Рытову. Рытов слушает, смотрит на часы, думает...

– Ну, хорошо, завтра. В девять.

К штабу подкатывает «Москвич» Анатолия. Он вылезает из машины, замечает в курилке Владимира, подбегает к нему.

– Ну, что, герой-любовник, доигрался?

Владимир молча сидит, облокотившись о спинку скамейки. Анатолий останавливается напротив него.

– А почему траур? Девушка разлюбила? Нет?

Владимир что-то хочет ему ответить, но передумывает, только отворачивается от него в сторону. Анатолий присаживается рядом с Владимиром, замечает на его глазах слезы...

Анатолий молча похлопывает Владимира по плечу, идет в штаб.

Ольга Яковлевна открывает дверь. Мрачный Рытов проходит мимо жены в квартиру. Ольга Яковлевна усаживается в кресло, берет в руки книгу. Рытов достает из портфеля свернутую в рулон фото пленку.

– Вот негатив фотографий, которые ты уничтожила.

Рытов протягивает жене пленку.

– Возьми и сожги, выкинь в мусорное ведро или куда там еще... Ершову своему его подари. Ты этого хочешь, Оля? Хочешь назад в нашу дыру, откуда сюда приехали, или еще куда-нибудь подальше?

Рытов как бы невзначай кладет пленку на стол, отходит в сторону.

– Я хочу, чтобы ты перестал его преследовать, чтобы ты снова человеком стал!

Ольга Яковлевна замечает пленку на столе.

– Как оригинально ты повернула! С больной головы на здоровую. Оля, это не я а он нарушил предписание. И не я, а ты залезла ко мне в портфель и выкрала фотографии Ты так меня опозорила перед Ершовым!

Ольга Яковлевна поднимается с кресла, подходит к столу, берет пленку.

– Это ты позоришь себя, позоришь меня, позоришь нашу семью. На нас с тобой уже как на волков все смотрят! Я тебя ну, очень прошу, чтобы у нас с тобой и дальше было все нормально в наших отношениях, давай уничтожим эту пленку!

– Зачем, Оля? Ведь она в сущности ничего не значит. Я-то их видел, и покрывать распутство не намерен. Мне и на словах поверят.

– И все же ты устраиваешь форменную слежку за влюбленными. За Ромео и Джульеттой! И все-таки я сделаю вот так. Умный бы человек взял бы у тебя эти фотографии и приказал бы тебе обклеить ими твой кабинет, чтобы все видели и учились, как надо уметь любить.

Ольга Яковлевна подходит к аквариуму и бросает в него пленку. Рытов невозмутимо на это взирает.

– Довольна? Ну, и ладненько! Мир!

Ольга Яковлевна наблюдает, как пленка опускается на дно аквариума, и вокруг нее снуют золотые рыбки.

– Да. Теперь я, по крайней мере, впервые за последнее время спокойно усну. Совесть мучить не будет.

Рытов подходит к жене, обнимает ее, постукивает пальцем по стеклу аквариума. Рыбки расплываются в разные стороны.

– Правда? Черт с этой пленкой. Топи ее на здоровье! Черт с этим парнем! Пусть делает, что хочет.

Рытов набирает номер по телефону и отменяет приезд Сапрунца за негативом.

Владимир и Мария проходят в кафе, располагаются за столиком сбоку от входа так, чтобы все видеть, но не быть на виду. Владимир смотрит на часы. Взвизгнув шинами на асфальте, подъезжает «Жигуль». Из него выходит Анатолий и присоединяется к парочке.

– Все очень плохо, Марийка.

– Нас заметили, Володя? Когда?

– Нас не только заметили, но и сфотографировали. Но не будем сейчас об этом. Надо что-то придумать...

Владимир берет Марию за руки.

- Мария, завтра в 15:30 я должен улететь в Союз.
- Как завтра? Что ты говоришь? Я не понимаю... как завтра, Володя?
- Да, Маруся, меня отправляют в отпуск. Уже есть приказ. Уже и билет куплен...
- Отпуск... Но ты вернешься. Нужно только подождать. Да? Володя...
- Маша... Я могу и не вернуться.

Мария плачет. Владимир достает платок.

- Подожди, Маша, ну... не плачь...
- Что же мне делать? Ты хочешь, чтобы я смеялась?

Мария пытается улыбнуться сквозь слезы, но теперь уже и по щекам Владимира текут слезы...

- Вот, Володя, твой паспорт, – Анатолий вкладывает в руку Владимира его паспорт.
- А что с тобой за это сделают?

– Я же должен тебе отдать твой паспорт перед отлетом. Вот и отдал. Поругают, конечно, за халатность. Но до крайностей, я думаю, не дойдет. Объявят выговор... Одним больше, одним меньше. Но у меня и благодарности есть.

– Ты хитрец! – Ершов берет паспорт как ненужную вещь. К ним подходит официант расставляет газировку...

Мы хотели пожениться, ну, расписаться в ЗАГСе, но у меня не было паспорта, а теперь есть паспорт, но нет времени. И я не знаю, будет ли оно теперь у нас...

Владимир вытирает слезы у Марии.

– Нет повести печальнее на свете чем повесть о Ромео и Джульетте. Жуткое дело, старик. Да, а меня эта пьеса страшно веселила, когда ее читал, а теперь вот видишь, как оно бывает...

Анатолий вдруг сосредоточивается, смотрит на Владимира.

- Что-то я не пойму, а почему у вас нет времени, а?
- Потому что я завтра улетаю.

Так это ж в 15:30. А ЗАГС открывается в 10:00. У вас куча времени. Вы успеете расписаться!

Мария поднимает заплаканные глаза на Владимира.

– Правда! А Лаура будет моей свидетельницей! А со стороны Володи кто будет?

– У меня завтра отлет нескольких человек. Я вообще не смогу прийти. Извините уж. Меня рвут на части, а эти части еще мельче рвут. Мария, скажи своим подругам, чтоб не забыли паспорта, а то все прахом полетит.

– Обязательно. Я еще приглашу свою подружку с работы. Элену. Она не откажется. Вот и решили все вопросы, друзья! И так, до завтра. Встречаемся у ЗАГСА прямо в 10.00. Договорились?

Все радостно обнимаются, целуются и выходят из кафе. Анатолий обнимает Марию. Мария сквозь слезы улыбается.

Полоса препятствий. Капитан Прохоров с переводчиком стоят перед шеренгой кубинских солдат рядом с кубинским офицером. Переводчик тихо переводит кубинскому офицеру. Тот кивает и дает команду на выполнение. Шеренга солдат делает поворот налево, начинает бег на месте и перестроение «по два», затем по команде офицера солдаты начинают преодоление полосы препятствий. Топот, шум, подбадривающие крики, грязь, пот, стоны... Прохоров и переводчик медленно идут сбоку от полосы препятствий. Прохоров показывает на ошибки, переводчик переводит. Подходит кубинский военнослужащий.

– Товарищ капитан, Вас просят срочно к городскому телефону.

Прохоров разговаривает по телефону с Клочковым.

– Ты знаешь, Володька сегодня в десять часов расписывается со своей возлюбленной, Марией.

– Где? Сейчас подставлять? Ждите. Без меня не начинайте!

– А меня там не будет. Я не могу отлучиться из аэропорта. Много дел.

– Понятно. Рвут тебя, как всегда, на части, а эти части еще мельче рвут, а вот эти части уж совсем мелко так рвут!

Клочков хохочет:

– Вот именно! Вдребезги рвут!

– Лечу. Как быстрый бригантин!

– На всех полных парусах не плывет, а летит мой отважный бригантин. Ты уже всю испанскую классику освоил?

– А ты как думал? Мол, если пехота... Что с нее взять?! Некогда мне. Пока! Десятый час. Я сейчас же еду. Буду свидетелем.

– Там свидетелей хватает. Тебе не стоило бы там появляться. Могут быть неприятности... Но, если решил, записывай адрес ЗАГСа.

– Беру такси и еду. Спасибо, что сообщил. А Володька мне ничего не сказал.

– Он и сам не знал, что так получится. И не хотел тебя подводить.

Владимир бежит по улице и сбивает с ног поющего песню продавца арахиса. Кулечки с орешками «мани» разлетаются в разные стороны. Ершов просит у паренька тысячу извинений. Видит автобус и вскакивает в него. Едет несколько остановок. Потом пулей вылетает из автобуса, влезает в ветхое такси и дает задание водителю гнать в ЗАГС в центре города, указывает адрес. Машина, фыркая, несется по городу.

К ЗАГСу на бешеной скорости, обгоняя друг друга, подлетают два такси и чуть не сталкиваются. Из одного выскакивает Владимир, а из другого Прохоров. Ершов очень удивлен.

– Ты что ж мне не позвонил? А?

– Я не хочу тебе неприятностей.

– Ерунда. Пусть только попробуют! Это мы еще посмотрим!

Прохоров многозначительно, по-кубински, оттягивает вниз указательным пальцем нижнее веко глаза.

– Я буду твоим свидетелем.

Прохоров лезет в карман за документом и... достает удостоверение личности. Временное.

– Е-ке-ле-ме-не! У меня же паспорта-то и нет. Я совсем забыл. В спешке. Мне только что Клочков позвонил. Я все бросил на переводчика и прямо сюда.

– Спасибо, дружище. Свидетелей мы набрали. Сейчас главное уговорить, чтобы нас пропустили другие пары без очереди. Я надеюсь, что кубинские друзья нас пропустят. Пошли в ЗАГС.

Брачующиеся и их свидетели радостно обнимаются и вваливаются в ЗАГС. Рука Владимира кладет паспорт на полированную столешницу. Рядом с российским паспортом изящная ручка Марии кладет кубинский паспорт... Смуглая рука сгребает со стола оба паспорта. Клерк кубинского ЗАГСа деловито открывает российский паспорт и, высунув кончик языка, начинает записывать его данные в книгу. Перед столом клерка стоят Владимир и Мария. За ними торжественно стоят свидетели: Лаура и Елена.

Над столом Рытова настенные часы показывают 12:00. Из-за развернутого журнала «Крокодил» доносится странное хихиканье. Рытов рассматривает карикатуры. На глаза Рытову попадает его же письмо. Письмо уже напечатано и им подписано. Рытов читает вслух.

– Лейтенант Ершов вступил в несанкционированный, аморальный контакт с кубинкой...

Рытов вертит письмо в руках, раздумывая.

– А! Ольга права. Не буду брать на себя обязанности Господа бога. Живи, Ершов. И благодари меня за мою доброту.

С этими словами он с сожалением, но в то же время решительно рвет письмо и, скомкав, метко бросает его в корзину. Звонит телефон. Рытов недовольно шелестит бумагой, снимает трубку.

– Подполковник Рытов слушает. А это Вы, Петр Михайлович! Здравствуйте. Что? Нет. Не знаю. Ершов? Женился на кубинке? Не может быть!

Рытов выслушивает гневную тираду, кивает головой...

– Извините. Конечно, Вам верю. Явился к Вам в посольство и показал штамп в паспорте? Ну, пацан! Есть, Петр Михайлович! Через полчаса буду у Вас. Отменить отлет Ершова в отпуск? Не понял... Ах, объясните на месте. Хорошо. Сейчас отменю и еду в посольство.

– Ну, Ершов! Сколько ты надо мной издеваться ещё будешь? Без ножа режет! Где мой портфель, где портфель?! Ну, Ольга! Ай, да Ершов! Ай, да сукин сын! Ну, учудил, стервец!

В кабинете посольства Рытов и Секретарь парткома.

– Как же вы так товарищ Рытов?! Недосмотрели...

Рытов вытирает платком пот с лица, шеи, отдувается... Секретарь смотрит сквозь Рытова. Подходит к своему столу, листает перекидной блокнот Рытов вытягивается по стойке «смирно».

– Петр Михайлович! Виноват! Я его вмиг вышлю с Кубы. В 24 часа! И духа его здесь не будет! У меня есть фотокарточки... Вернее, сказать, были.

Секретарь с усмешкой смотрит на Рытова.

– Пригласить бы Вас на партком, да пропесочить как следует!

– Не надо... парткома... Может, так обойдемся?

– Не надо... Надо бы! А если пораньше головой-то подумать! А этими своими фотокарточками свой красный уголок обклейте. Пусть молодые учатся, как надо вас таких объегоривать.

Рытов снимает очки, протирает их.

– Ну, ладно, ладно! А переводчик-то этот... Сколько ему лет, говорите?

– Где-то двадцать два-двадцать три... Малец еще совсем!

– Что, будем ломать парню жизнь? И этот отец его невесты! Герой войны в Анголе! А, может, не будем? Можем, из него еще что-то толковое получится? А? А... пускай себе женится! Нет правил без исключений! Сами знаете, что от смешения кровей гении рождаются. Пусть плодит советско-кубинских гениев! А? Нам, ведь, гении нужны? Согласны со мной?

– Пусть плодят... Согласен. Даже очень-очень согласен! Вы правы.

– Вот именно! Поступим так... Готовьтесь к свадьбе.

– К какой такой... свадьбе?

– К интернациональной. Вы что совсем ничего не понимаете?

Секретарь показывает Рытову фото из газеты. На фотографии представительный кубинец в военной форме. Это отец Марии при регалиях. Это производит на Рытова впечатление.

– Понимаю... Я... и обязанности свои знаю. И, честное слово, мне кажется, что вины моей здесь нет. Это же любовь по большому счету. Между хорошим нашим парнем и хорошей, порядочной кубинской девушкой. Ромео и Джульетта, так сказать. Вам тоже, наверно... В общем, наши дружественные нации... Молодые ребята... Спасибо Вам.

– За что спасибо?

– За то, что так все удачно разрешилось. К всеобщему удовлетво... согласию! Будет исполнено. Таковую свадьбу отгрохаем! Весь остров закачается!

– И чтобы подарки были достойные. От посольства тоже подарок будет. И от Вашей части тоже должен быть подарок. И этой... как ее... строганинки... из тунца на стол хорошо бы. И от наших бравых комсомольцев будет. Эх, Рытов, Рытов! Все! Я занят. Исправляйтесь!

– Есть исправить! Обязательно исправим, Петр Михайлович! Качественно и красиво все оформим! И строганинка обязательно...

Рытов, пятясь, выходит вспотевший из кабинета.

Мария и Владимир подходят к костелу, останавливаются перед входом.

– Вообще-то я атеист, хотя бабушка говорила, что крестила меня... подожди, но мы православные, вроде...

– Это не имеет значения. Я же Деву Марию просила... и должна ей тебя показать и поблагодарить ее.

Мария берет Владимира за руку и тянет его к входу. Из костела выходит монахиня, Мария бросается к ней.

– Здравствуйте, матушка, вы, наверное, не помните меня... Я приходила просить Деву Марию. Вы мне помогли. Монахиня улыбается Марии и Владимиру.

– Конечно, помню, Мария, мы же вместе молились, Пречистой Богородице.

Монахиня крестит молодых.

– Будьте счастливы, дети мои. А молодой человек... Он... иностранец? Русский?

– Русский, матушка.

– Это хорошо. Русский-это хорошо! Да Вам бог счастья!

В кабинете военсоветник в кубинской военной форме без знаков отличия и Владимир в такой же форме.

– Вы, Владимир Максимович Ершов, нарушили правила поведения советских заграничных командированных за рубежом, о которых Вам было прекрасно известно. Нарушили?

– Нарушил. Но я люблю...

– Считаете себя виноватым?

– Виноват, товарищ полковник. Но я полюбил...

– Что ты мне заладил: полюбил, полюбил. Послушайте меня внимательно и запомните крепко на будущее. Ты поступил неправильно. Я не говорю нехорошо, а говорю неправильно. Где эта черта стирается, черт ее знает! Неправильно в том смысле, что Вам, военному человеку, офицеру, переводчику нельзя нарушать установленных для беспрекословного выполнения норм, правил, приказов и распоряжений. Иначе из Вас не будет в будущем хорошего офицера. Какой это офицер Советской Армии, который нарушает приказы? А раз Вы переводчик, то и дипломата из Вас хорошего не получится. А ты мне: люблю, люблю. Вижу, что любишь. И любовь свою отстаиваешь и защищаешь. Эх, Ершов, Ершов! Действительно ты ершистый молодец. Оправдываешь ты свою фамилию! Я тоже, признаюсь, тебе, ершистый. Поэтому наказывать Вас не буду. Рука не поднимается. Но внушение Вам сделать – мой долг. Ладно, прощаю тебя. Как отец. Иди и будь счастлив со своей возлюбленной. Как ее хоть зовут?

– Мария.

– Хорошее имя. Наше. Все. Свободны.

– Огромное Вам спасибо, товарищ полковник. Больше подобное никогда не повторится.

– Это как Вас понимать? Что еще на одной кубинке не женишься? Так что ли?

– Нет. Что Вы! Я не это, не так хотел сказать... Я...

– Ладно, идите, товарищ лейтенант. Свободны.

– Есть свободен, товарищ Главвоенсоветник!

Владимир под хитроватым, веселым прищуром глаз полковника поворачивается и браво выходит из кабинета.

– У, мужик, класс!!!!

Звучит марш Мендельсона, стеклянные двери базы отдыха распахиваются, и молодожены ступают на кафельный пол. Присутствующие, расположившиеся вокруг бассейна, встречают их громом аплодисментов. ВИА советских воинов исполняет туш. Владимир и Мария проходят на места, на которые им указывает Рытов, благодарят его и садятся. Рассаживаются за столики, расставленные вокруг бассейна, и гости интернациональной свадьбы. На столах из пластмассовых карандашниц торчат советские и кубинские флажки.

Главный военный советник в штатском костюме, сидящий рядом с родителями Марии, встает и торжественно поднимает бокал. Все гости садятся. Советник произносит поздравительный тост, здравицу в честь молодоженов.

– Дорогие наши Мария и Владимир! Уважаемые мама и папа Марии! Уважаемые наши кубинские друзья! Уважаемые советские дипломаты и офицеры! Все почтенные гости этого торжественного собрания!

Советские и кубинские переводчики переводят поздравление шепотом на ухо высоким посольским чинам и командованию.

– Мы собрались все здесь сегодня, к большому сожалению, без родителей одного из виновников этого торжества, новобрачного Владимира. Они не смогли присоединиться к нам за этим праздничным столом. Чтобы вместе с нами поздравить сердечно и от всей души эту очаровательную пару молодоженов с их самым счастливым, самым радостным в жизни днем и самым запоминающимся событием: законным бракосочетанием. Это не простая свадьба, товарищи, не ординарная. Это интернациональная свадьба! Так, видимо, было угодно судьбе, что Володя встретил милую Марию, свою суженую, здесь, в тропиках, в дружественной и близкой нам Кубе, далеко от своего родного дома. Мы пока не можем похвастаться большим числом таких здесь на Кубе свадеб, но теперь можно с уверенностью сказать, что начало этому делу положено. Как говорится, фундамент теперь есть! И я уверен, что наш офицер, военный переводчик Владимир Ершов, сделал свой правильный выбор. И Вы, очаровательная, юная Машенька нашли свое счастье с настоящим русским парнем. Мы уверены, что, вместе с Володей, создадите крепкую, дружную, надежную ячейку общества, семью и у вас будет много детишек. Кто они будут, как их назвать, кубано-советикос или советико-кубанос? Это неважно! Это ведь одно и то же. Ваша свадьба-это яркое выражение сплочения наших братских, советского и кубинского, народов. И это глубоко символично, друзья! Давайте же и дальше высоко держать знамя крепнущей дружбы между нашими народами и, я уверен, что выражу общие пожелания здесь присутствующих, пожелания нашим молодым большого личного счастья, любви на долгие годы, благополучия и крепкого здоровья. Радости и счастья Вам! А тебе, Володя, позволь тебя сегодня так по— отцовски, неофициально называть, желаю служебного и служебного роста. А для этого у тебя все имеется: образование, знание языков, а теперь, вот, и семья тоже есть. Вот и все, что я хотел для начала сказать. Что ж? Горько товарищи молодожены! Горько!

– Ура-а-а!!! Горь-ко! Горь-ко! Горь-ко!

Молодые крепко и много раз целуются. Долго не умолкает звон бокалов. Встает отец Марии. Одновременно с ним поднимается и наш переводчик для перевода. Кубинец усаживает его рукой на место.

– Не надо меня переводить. Здесь все прекрасно понимают по-кубински. Я, друзья, счастлив. И моя супруга тоже счастлива, потому что наша дочь встретила и полюбила такого хорошего русского парня, советского офицера, как Владимир Ершов. Желаем Вам, наши дети, большого счастья. Будь, дочка, верна и преданна своему мужу. Мы с матерью уверены, что у вас будет все хорошо, всю вашу длинную и радостную жизнь. Теперь наши дети, дети всех простых кубинцев, не только одних богатеев, получили возможность быть счастливыми, уважаемыми людьми, а не людьми второго сорта, как раньше. Теперь наши дети могут пользоваться теми же благами, какими ранее пользовались только богатые. Я счастлив видеть вас, наших детей, Болодю и Майру, счастливыми. Давайте же мы все выпьем за молодых. Счастья вам, детки, на долгие годы. Здоровья и благополучия, Болодья, вашим родителям. Жаль, что их здесь нет, но когда-нибудь мы с ними обязательно познакомимся. Как у вас принято говорить?

– Горько!

– Вот именно. Горико! Горико!

Рытов плотно прикрывает за собой стеклянную дверь входа, машет дежурному, чтобы тот не отдавал ему честь, и идет в кабинет начальника базы. В кабинете Рытов подходит к телефону, набирает номер.

– Оля, это я... ты опять меня без ножа режешь! Все наше руководство здесь. И кубинское тоже. Это уже... беспрецедентно, Оля... Оля...

В кабинет доносится громогласное: «Ура-а!!! Горь-ко! Горь-ко! Горь-ко!». Рытов телефонной трубкой ловит доносящиеся звуки свадьбы.

– Ты слышишь, Оля! Слышишь? Что же ты делаешь со мной? Приходи, пожалуйста, умоляю тебя! Не позорь меня так! Я порвал письмо в Генштаб. Все! Честное слово я ничего молодым плохого не сделаю. А как там, в Москве, ко всему этому отнесутся, мне не ведомо. Приходи скорее!

– Ну, хорошо. Сейчас приду.

– Спасибо тебе, дорогая! Ненаглядная моя! Бесценная!

Рытов возвращается на торжество. ВИА играет туш. Отец, мать, бабушка и дедушка Марии, а также все гости аплодируют, так как молодые в очередной раз крепко целуются. Рытов подходит к Олегу.

– Ты готов?

– Валентин Михайлович, может не к месту? А?

– К месту! Давай! Я тебя сейчас представлю. Это приказ.

Замполит идет на свое место и стучит вилкой по бокалу.

– Товарищи! Дорогие жених и невеста, вернее, теперь уже муж и жена! Я предоставляю слово сослуживцу нашего жениха Олегу Островскому, который нам прочитает стихи известного советского поэта и переводчика Сергея Гончаренко! Итак, Олег, смелее, смелее.

Звучат аплодисменты. Олег скромно поднимается из-за стола, неловко кланяется и тихо начинает читать стихи:

А в году
за семь пол сотен дней.
За четыре дюжины недель.
До России
тридевять морей,
а в России
белая метель...

А в России —
Белая пора.
По дворам сугробы
Набекрень.
Для тебя
Уже давно вчера
Мой еще не начавшийся
День.

А в России
Белая земля.
Ты выходишь утром на порог
И не знаешь,
Где я от тебя:
Толь на Запад,

То ли на Восток.

Ну а здесь —
Здесь бьет из-под земли
пальма,
как зеленый водомет.
Ну а здесь,
в немыслимой дали,
даже месяц
задом наперед.

Здесь, на пышном
пиршестве стихий
Сожжено все
Матушкой-зимой.
Бормочу я снова, как стихи,
От тебя последнее письмо.

Здесь как кубки
Звонкие слова:
Сибоней, Ориенте, Мариэль.
Где-то там
В кустах кычит сова.
До России
Тридевять морей!

Гости аплодируют чтецу, а Рытов видит, что его у стеклянных дверей манит на выход дежурный. Пригнув голову, он тихо выходит и прикрывает за собой дверь.

– Вас к телефону, товарищ подполковник.

Рытов быстро идет в кабинет директора. Там он берет телефонную трубку с аппарата на столе.

– Да. А... товарищ лейтенант. Я же четко вам сказал: и кровать и постельное белье разгружайте в его домик, кабанью, что выделило им кубинское начальство по адресу... Что есть адрес?... Ну, так что же вы возитесь там? И посольский телевизор туда же и комсомольский холодильник! Чтoб все через час было на месте. К приезду этих... молодых. И вообще. Где Вы раньше-то были? От Вас не зависело? Так сейчас от Вас все зависит. Смотрите у меня. Я ведь и наказать могу. Поворачивайтесь там! Живо, так Вас раз этак.

Рытов появляется за стеклянными дверями. Оркестр играет вальс «Амурские волны». Молодожены кружатся в танце. К ним присоединяются и другие пары. Оркестр исполняет песню «Мой адрес Советский Союз».

Анатолий берет гитару, трогает струны. Владимир и Мария поднимаются из-за стола, подходят к нему.

– Толь, а давай нашу любимую!

– Это какую? «Не уезжай?»

Анатолий перебирает струны, запекает. Константин, Владимир, Олег ему подпевают...

– Сердце бьется в такт колесам, вырвется сейчас.

Подожди еще немного, подожди хоть час.

Рытов и Сапрунец беседуют хмельные за столом.

– А меня, Валентин Михайлович, переведут из Благовещенска в какой-нибудь другой округ, поближе к столице?

– Непременно. Я ж обещал. У меня есть связи в верхах. Переведем Вас. Заслужили! Обязательно переведем! Только вот что. Ни проявляйте больше своего усердия на поприще папарацци. Больше, пожалуйста, никакой самодеятельности: ни за кем не следите и никого не фотографируйте. Проявляйте лучше свои мастерские способности в съемках чего-нибудь другого. У Вас это хорошо получается. Я видел Ваши фотографии. Вы меня поняли. Колибри, скажем. Жучков, там, паучков. Ясно?

– Беспредельно ясно. Природа и фауна с флорой здесь, ой, какие живописные. Есть что снимать! Для души и для газеты части.

– Вот-вот! Правильно понимаете! Флора и фауна! Фауна и флора. И меня с супругой тоже!

– Спасибо Вам преогромное. Никогда Вашу доброту не забуду. Благодетель Вы наш! А все остальное я уже давным-давно забыл, кого и когда снимал.

– Еще пока не за что. А вот, что забыли-это хорошо. Все плохое надо решительно вычеркивать из жизни.

К поющим ребятам подходит кубинец с гитарой, другие пары молодых кубинцев и русских. Кубинец подыгрывает Анатолию, остальные подпевают:

Все смешалось: море, ветер,
Солнце, небо – все на свете,
Ласка и разлука, и любовь.
Без тебя мне очень плохо. Я сейчас глаза закрою.
Так, что из-под век забрызжет кровь.
Счастье вместе с болью ты принес.
Пусть растает боль под стук колес

Не уезжай! Не уезжай!
Не уезжай! Не уезжай!

Сон все это или сказка, кто бы мне сказал!

Хор молодых голосов подпевает:

Ну, скажите!
Отчего не вижу больше милые глаза?
Хочешь небо или звезды? Хочешь зиму или весны?
Хочешь, я приду к тебе сама?
Но, ведь, я приду навечно. Руки положу на плечи.
Будешь пить любовь в моих глазах.
Мчусь неведомо куда – куда. А-а-а-а-а!
Вслед за мной беда, беда, беда, беда.

Не уезжай! Не уезжай!
Не уезжай! Не уезжай!

Пусть судьба неумолима! Пусть! Жестока! К нам!
Я хочу вернуться к синим от ветров глазам.
У меня одна дорога. У меня одна тревога.

Руки, лишь одним верна я вам.
Понимаешь: очень много. Вспоминаешь: так немного!
Никому тебя я не отдам!
Вечность... Даже вечность пусть умрет!
Пусть ее любовь переживет!

Не уезжай! Не уезжай!
Не уезжай! Не уезжай!!!

– Такие, вот, дела, товарищ лейтенант, – говорит кадровик Владимиру в штабе части, – Продлить Вам пребывание на Кубе нет никакой возможности, так как сейчас идет сокращение штатов и к тому же потребность в переводчиках на Кубе уменьшается. Ну что я могу поделывать. Вы у нас на хорошем счету, но в ГУКе виднее. Они нами командуют, а не мы ими. Сами должны понимать. Так что собирайтесь домой.

– Как же так, только что Островскому продлили командировку на второй год. А, ведь, он не семейный, холостяк. А мне женатому не продлевают.

– Ничем не могу помочь.

Ершов выходит из кабинета и медленно в задумчивости закрывает за собой дверь с табличкой «Начальник отдела кадров».

Проводить домой семью Ершовых в аэропорт пришли все приятели Володи, подружки Марии, ее отец с матерью. Мама Марии, одетая в новые желтые брюки, обтягивающие широкие бедра, всплакнула, долго обнимает и напутствует дочку. Высокий, подтянутый мулат, отец Марии, в военной форме, при всех своих боевых регалиях, хлопает Володю по плечу, гладит дочку по головке и успокаивает свою жену:

– Не переживай ты так! – Успокаивает дочь отец, – Ты же в свое время поехала со мной в Африку и ничего, все обошлось. А здесь все же не в Африку ребята едут, а в Москву. И все у них будет хорошо.

Владимир обращается к отцу и матери Марии:

– Я обещаю Вам заботиться о Марии, любить свою жену и нашего сынишку, Энрике.

– Будем переписываться. Обязательно! Со всеми! – Заверяет Островский, не написавший домой не строчки.

– Конечно! – горячо поддерживает его Владимир.

Владимир обнимается с приятелями. Мария с родителями и подругами. А Олег Островский, как всегда, не может удержаться, чтобы не сострить:

– Вот декабристка! Тоже за мужем едет. Одна, помню, такая декабристка, поехала за своим мужем в Сибирь и испортила ему там всю каторгу.

– Дурацкая у тебя шутка, Олег. И совсем не к месту.

– Слушаю и повинуюсь. Исправлюсь. Я ж так. Пошутил.

– Я понимаю, а то бы врезал тебе при всем честном народе.

– Я те врежу!

Рассерженный Олег отходит от Толи оскорбленный и непонятый. Последние объятия, пожелания, и чета Ершовых скрывается за барьером паспортного контроля.

В аэропорту «Шереметьево-2» как всегда столпотворение. Около стеклянной перегородки, отделяющей холл от таможенного контроля, там, где надпись на раздвигающейся двери «Выход» толпятся люди с цветами. У некоторых других встречающих в руках бумажки или таблички. Эти ожидают деловых людей или делегации. Наглые таксисты выискивают, кого бы подвезти. И вот родители Володи и Юля различают в толпе пассажиров своего сына и видят, как он подходит к таможенному посту для досмотра. За ним идет Мария с сыном на руках. Они еле управляют с грузовыми тележками. Володя тоже ищет взглядом родных среди встречаю-

щих и наконец их находит. Он успевает радостно махнуть родным рукой и под напором толпы с вещами скрывается за перегородкой.

Столики для досмотра вытянуты в сплошную линию, и за каждым из них стоит таможенник. Строгий мужчина в зеленой форме, ничего не спросив у Ершова, ставит штамп на декларации и дает ему знак рукой проходить на выход. Одновременно с Ершовым досмотр проходят за соседними столиками, справа и слева от Володи, двое по внешнему виду скорее всего рабочие, то есть специалисты, прилетевшие этим же рейсом с Кубы. У них примерно одинаковая поклажа. И у одного работяги и у другого на тележках несколько картонных коробок. Обоих досматривают таможенницы. Таможенница спрашивает того рабочего, что стоит справа от Володи:

– Что у Вас в коробках?

– Ракушки, книги, обувь, пластинки. Так, пожитки разные, – отвечает рабочий.

– А в этой?

– Ботинки.

– Откройте.

Рабочий, замявшись, развязывает коробку, и таможенница видит в ней попугая.

– Медицинский сертификат на птицу есть?

– Не успел оформить.

– Птиц без сертификата провозить нельзя. Берем птицу на двухнедельный карантин.

– Я ж улетаю в другой город. Девушка, милая, я ж не смогу его забрать.

– Все. Свободны. Проходите! Не задерживайте очередь! – таможенница берет смело попугая и убирает его в ящик внизу таможенной стойки.

– Эх, девушка, девушка! Черт тебя подери! – зло рычит Генрих, отходя от стойки.

– Проходите. Не задерживайте очередь!

А слева от Владимира другая таможенница, постарше своей коллеги, спрашивает второго рабочего:

– Что в этой коробке?

– Ботинки.

– Идите.

Как только из раздвинувшихся стеклянных дверей появляются Володя и Мария с ребенком, их окружают родные Ершова. Таксисты, получив отказ от своих услуг, отходят в сторону, а отец, мать и Юля помогают Володе и Марии с вещами выбраться из толпы и тут уж дают волю своим чувствам: начинают обнимать, целовать и Владимира, и Марию. А Юля сразу забирает у Марии маленького к себе на руки. Конечно, родня Владимира, хотя и стараются это скрыть, во все глаза рассматривают жену сына, но опомнившись, торопятся на выход из аэропорта.

– Пошли, ребятки, на выход, – говорит мать Володи, – Там нас ждет машина. По дороге и дома поговорим. Юля, поосторожнее с деточкой, держи его крепче, не урони.

В это же время к встречающим выходят из таможи и оба рабочих. К одному из них бросается на шею жена.

– Генрих, дорогой, с возвращением! Я так тебя ждала, так по тебе скучала!

– Да ну тебя! У меня тут попугая отобрали, да еще ты здесь! Вон, Пашка! У него не отобрали, а стояли ведь рядом!

Жена Генриха обиженно отстраняется от мужа, не ожидая от него такой неприветливой встречи.

– Генрих! – стыдит приятеля Павел, – Нельзя же так! Лиза тебя встречать прилетела, Два года тебя не видела, а ты так ее грубо...

Генрих нехотя обнимает за плечи супругу, целует ее в щеку и горестно катит свою тележку к выходу. Жена Генриха, вытерев рукавом слезы, снова приникает к мужу. А Павел,

развязав и приоткрыв коробку из-под ботинок, с радостью убеждается, что его попка жив и здоров.

Семья Ершовых в сборе за круглым, гостиним столом. Все в хорошем, приподнятом настроении отмечают возвращение сына.

– Мне положен отпуск за два года. Два месяца. Конечно, нам сейчас здесь, в трехкомнатной квартире, тесновато будет.

– В тесноте, да не в обиде. Ничего. Приспособимся, – утешает мама Владимира молодых.

– А я думаю, скоро замуж выйти, – вдруг заявляет безапелляционно Юлька, – и перееду тогда жить к мужу. А пока, Вовка, я на этом твоём диванчике в гостиной посплю. Как ты раньше, до отъезда.

– Обязательно. В неполные-то пятнадцать лет. Уж нам замуж невтерпех.

– До революции и пораньше дочерей замуж выдавали. Я читала.

– Так-то ж до революции. Не те книжки ты читаешь. Ты бы в кружок какой записалась, если энергии непроворот.

– Я и так и в драмкружке, и конструкторском, и кулинарить или кулинарничать учусь. Вот! А говорят, скоро опять революция будет. Смена Руководителя! – Юля многозначительно показывает пальцем в потолок.

– Не глупи, Юлька! Во-первых, нет таких слов-кулинарить и кулинарничать. Есть слово-готовить. И поменьше трепись языком. Болтливая уж больно стала. Удержу никакого нет! Так ляпнешь где-нибудь про Генерального нашего Секретаря, тебя из комсомола вмиг и выставят.

– А если серьезно, то я, пока не пошел на службу, буду подыскивать нам квартиру, чтобы снять. Мы здесь вшестером.... В общем надо думать, что делать. Я полагаю, что пока надо нам с Машенькой снять комнатку или однокомнатную квартирку подешевле. Деньги пока у нас есть, а там я на службу выйду, переводами подрабатывать стану.

Мария выходит в другую комнату успокоить плачущего сынишку и вскоре возвращается.

– Нам надо съездить в магазин «Березка». Хочу Вам всем подарки сделать. Купить модную одежду. Кое-что из техники. Телевизор японский. Магнитофон, – Переводит разговор на более приятную тему Владимир.

– Только мне, чур, стерео, – встрепенулась, естественно, Юля.

– Тебе непременно, конечно, в первую очередь, – покачала головой мама.

Но отец Володи тоже оживился:

– А машину будешь брать? На все денег-то хватит?

– Хватит! Хватит! Хватит! – захлопала в ладошки Юля, – Завтра прямо с утра и поедем в «Березку»! В «Березку»! В «Березку»! В «Березку» Ура-а-ура!!!

Нет, – остудил всех Володя, – Не завтра. Завтра я должен быть в Генштабе, доложится о своем прибытии и так далее. Послезавтра я поеду в магазин оплачивать машину. А когда ее получу, тогда поедем и за другими товарами. Дайте нам хоть несколько денечков в себя прийти. Правда, Маш?

– Си. Ой! Забылась! Чуть было по-испански не заговорила. Да! Устали немного. Правда. Сборы. Проводы. Перелет...

– Обязательно сначала отдых. И никаких разговоров. Все остальное... Шмотки там разные. Это подождет. А какую машину, сын, ты решил брать? Какого цвета?

– «Копейку». «Жигуль» первой модели так называют. Самый дешевый. Чтобы и нажить-быть и на съём квартиры нам кое-что осталось. Мне говорили, что если выбирать редкий цвет, морской волны, или вишневым, или серебристым, то их таких можно месяцами ждать. Нужно будет постоянно ездить и караулить у магазина, чтобы другим не ушла. Да и переплачивать продавцам надо. На лапу давать. И не мало.

– И здесь спекулянты! – всплеснула руками мама.

– А как же?! – Юля невозмутима, – Ты как будто с луны свалились!

– Возьму без очереди белую или желтую. Какая мне разница. Зато сразу за руль и в «Березку»!

– Ура-а-а-а!!! – прыгает Юля, – Урр-а-а-а! – И Юличку нашу приодеть надо. Растет, ведь.

– Завтра, вот, замуж выходит! – шутит Володя, обнимая сестру за плечи.

– Правильно! Юличка, она хорошая, – Юля гладит себя по голове, – Растет, ведь, девочка. Братцу своему, Вовику, на Кубу часто писала. Не забывала. Ее, ой как, приодеть надо!

– Уймись! Как тебе перед Марией не стыдно-то? Что она о тебе подумает?! – взывает к дочери мать.

– Всем купим. Никого не забудем. И родителям Марии посылку соорудим. Да, Маша?

Мария встает, подходит к мужу и целует его.

– Спасибо, Вовик.

– В «Березке» на Сиреневом бульваре продают технику: телевизоры, магнитофоны, а также ковры, хрусталь. На Ленинском проспекте, на Академической и на Таганке продают одежду. Приличные очень пальто, платья, брючные костюмы из Франции, Финляндии, Италии.

Юля добавляет:

– А на Кутузовском проспекте – продукты и спиртное. Но только все на бесполосные чеки.

– Ты и это знаешь! – удивляется отец, – А какие еще сертификаты бывают?

– Есть чеки с синей полосой, – Юля загибает пальцы на руке, – Их получают те, кто работал в Польше, ГДР, в Монголии. А бесполосные чеки или сертификаты-это для дипломатов, иностранцев и для тех, кто был в капстранах. На них, как на валюту, можно купить все, что захочешь. Но и наши чеки, с желтой полосой, тоже котируются!

– Не наши, а Володины и Марии. На чужой каравай рот не разевай, – отец щелкает назидательно дочь по носу.

Владимир после посещения Генерального штаба СССР идет к троллейбусной остановке и наблюдает картину, как на автостоянке, недалеко от выхода из ресторана «Прага» стоит черная «Волга-ГАЗ-21», правая задняя дверца которой открыта, и из нее высунута нога в генеральской форме с лампасами. На тротуаре лейтенант в военной форме тянет к машине за руку упирающуюся и плачущую девушку лет двадцати пяти. Видно, что девка сильно пьяна.

– Пошли! Пошли! Хватит ломаться! Мы ж договорились!

– Пустите меня! Я с вами не поеду!

Лейтенант отпускает девку, подбегает к машине и что-то говорит генералу. Потом снова бросается к девушке, пытаясь шепотом ее уговорить и силой затащить в машину, Девушка не убегает, но и не идет к машине, пытаясь вырваться из рук лейтенанта, упираясь ногами, извиваясь всем телом и пьяно от него отмахиваясь.

– Да отпусти ты меня! Не хочу я его! Не хочу!

Нога генерала скрывается в машине. Лейтенант надавливает на плечи девушки, прижимая, заталкивая ее в машину. Прохожие заинтересованно останавливаются.

– Стоять здесь! – приказывает лейтенант девке, снимая фуражку и вытирая рукой пот на лбу. Он снова лепечет генералу, что девка не хочет с ними ехать и что уже собирается толпа прохожих. Лейтенант садится на переднее сиденье. Дверцы машины захлопываются, и машина уезжает. Владимир достает блокнот и ручку и записывает номер машины. Прохожие расходятся. Девка стоит, пошатываясь, соображая, куда ей идти.

На перемене Юля в окружении одноклассников с восторгом рассказывает им о Марии:

– Она такая хорошенькая! Мулатка. Значит, кориченькая. Как шоколадка. Темненькая. А глаза зеленые. А волосы прямые и черные. Мой брат и Маша, как он ее иногда зовет, так любят друг друга. И ребенок у них, мальчик, такой же смугленький., как и его мама, озорной, точнее, резвый.

– А давайте пойдем ее все посмотрим, – предлагает подруга Юли Лена.

– Да вы что! – возмущается Юля, – Она, что экспонат в музее?! Чтобы ее рассматривать! И не думайте. Не красиво это.

Звенит звонок на урок. Юля направляется в класс. А ее подружки не спешат на урок, продолжают перешептываться и решают все же пойти посмотреть на Марию. Одна школьница, Светка, догоняет Юлю в классе и невинно так ее спрашивает:

– А ребеночку Марии не холодно у нас? Она с ним гуляет на улице?

– Два раза в день. По два-три часа. Утром и днем после сна.

Света отходит от Юли.

– Значит, часика в четыре, в пять...

Из магазина «Березка» выходит Мария со свертками и пакетами в фирменной упаковке в руках и идет к желтому «Жигуленку». У машины Марию догоняют два модно одетых субъекта и обращаются к ней, оглядываясь по сторонам:

– Женщина! Чеки продаешь?

Мария в недоумении и не знает, что ответить.

– Один к двум.

– Я не понимаю.

– У Вас какие чеки? Желтые? Хорошо. Один к трем, если желтые.

Мария пожимает плечами и ищет глазами Владимира, его отца и Юлю. Они как раз выходят из магазина. И несут телевизор. У входа в магазин хорошо одетая женщина, проститутка, спрашивает Владимира:

– Закурить, молодой человек, не найдется?

– Не курим и не гуляем.

Спекулянты не отстают от Марии и наперебой ей втолковывают:

– Чего тут непонятного-то? Первый раз замужем? Вы нам чеки, а мы Вам рубли. За один чек три рубля. В три раза больше.

Подходят Владимир, его отец и Юля.

– В чем дело? – спрашивает парней Владимир.

– Чеки купим. Хорошо поменяем. Один к трем.

Владимир открывает ключом машину:

– Парни! Видите, мы только что отоварились. Больше с собой чеков нет.

Владимир и его отец ставят телевизор в багажник, остальные покупки Мария и Юля кладут в кабину. Затем они садятся в машину и сами. Владимир заводит машину, и Ершовы уезжают. Один из парней плюет вслед машине, и оба субъекта направляются обратно к магазину.

Дома все заняты делами. Владимир и его отец устанавливают телевизор. Мария возится с малышкой. Мать Володи готовит ужин. Юля распаковала стереомагнитофон и ставит в него кассету.

– Твоя, Вов, любимая бардовская песня «Родник».

Мария садится с ребенком на руках около Володи.

– Кто это к нам подходил около магазина и чего они хотели?

– Маша, это спекулянты валютой. Чеки считаются у нас как бы валютой. Эти спекулянты скупают чеки. Потом покупают на них магазинах «Березка» дефицитные товары, а потом продают их за рубли один к десяти где-нибудь в другом городе и получают большой навар. С ними лучше не связываться, а то можно попасть в переплет. Или сесть за спекуляцию валютой. А можно и на обэхеэсников нарваться. Они, рассказывают, тоже иногда представляются валютчиками, а кто клонет, того заматают в милицию как валютчика или спекулянта. Потом не расхлебашь! Понятно?

– Понятно. Только не совсем понятно, кто такие спекулянты, что такое «навар», что такое «нарваться», «замести в милицию», кто такие обэхеэсники и что означает «потом не расхлебашь»?

Все от души смеются. Отец Володи, не отрываясь от наладки телевизора, обращается к Марии:

– Сейчас я тебе все объясню... – отец Володи подсаживается к Марии на диван.

Мария катит по скверу коляску с ребенком. Появляется десяток школьников и школьниц. Пошептавшись, они кто в одиночку, кто парочками, проходят мимо Марии, рассматривая ее и ее ребенка, непременно с ней вежливо здороваясь.

– Здравствуйте! – говорит Светка.

– Здравствуйте, – отвечает Мария.

– Добрый день! – говорят ей Саша и Лена.

– Добрый день.

– Хорошая погодка. Не правда ли? – интересуются у Марии Галя и Вера.

Мария начинает догадываться, в чем тут дело, и отвечает на приветствия ребят, стараясь удержаться от смеха.

– Здравствуйте! Ой, какой маленький, сюсюнечка! Сколько ему!? – наклоняется к ребенку Зина.

– Чуть больше годика.

– Просто чудо! – неподдельно восторгается Зина, – И ему не холодно?

– Нет.

– До свидания! – прощается с Марией вся компания молодежи.

– До свидания!

Собравшись за домом, ребята делятся своими впечатлениями об увиденном.

– Кубинка, что надо!

– Ага! Не холодно им здесь у нас?

– Говорит, что нет.

– Завтра Юльке расскажем, кого мы сегодня видели.

– Ты что? Сдурел? Не надо. Посмотрели и ладно.

Остальные ребятки с ней соглашаются, и ватага уходит, живо что-то обсуждая между собой.

Владимир разговаривает по телефону.

– Будь другом, Илья, возьми посылочку на Кубу для родителей моей жены. Совсем маленькую.

– У меня самого вещей под завязку. Я бы с радостью.

– Так всего-то килограммчика два. Не больше. Им так будет приятно, что дочь и зять их не забывают.

– Я только что взвешивал свой багаж. У меня уже перевес.

– Ну, очень тебя прошу, возьми. А? А за перевес я заплачу. Здесь, твоим родителям. А, может, на небольшой перевес в аэропорту и не обратят внимания!

В квартиру с улицы входит Мария.

– Ладно! Вези, – соглашается Илья, – Но, если будет значительный перевес, то учти: оставляю твою посылку у провожающих.

Владимир подпрыгивает от радости.

– Спасибо, дорогой, выручил. А то жди, когда кто там еще полетит на Кубу! Сейчас я к тебе приеду. И деньги привезу на всякий случай. Жди! Беру такси и лечу!

– Маш, Илья согласился взять посылку для твоих родителей на Кубу. Я поехал. Он завтра улетаёт. Целую.

– А меня какой-то грузин из машины заметил, выскочил и до самого подъезда провожал. Такой настырный.

– Отшила его? Вот и хорошо. А как, потом расскажешь. Я понесся.

Владимир обнимает супругу и с сумкой в руке выскакивает из квартиры.

Мимо Музы проезжает «Жигуленок». Муза признает в водителе Володю и провожает машину взглядом. Потом медленно идет за ней, останавливается за углом и видит, как из легковушки выходит Володя и галантно помогает выйти из машины смуглой девушке. Муза – вся внимание. Парочка скрывается в подъезде. Муза подходит поближе к машине и ее рассматривает. В этот момент открывается дверь подъезда, и из него выходит пожилая женщина. Муза к ней обращается.

– Скажите, пожалуйста, это сейчас прошел Владимир Ершов?

– А Вы его знаете? – интересуется пожилая женщина.

– Конечно. Мы ж учились вместе и дружили. Я Ваша соседка из пятого подъезда. Значит, он уже вернулся из-за границы! Насовсем?

– Месяц как. А насовсем ли или нет, я этого не знаю.

– А что это за девушка с ним? На его сестру вроде бы и не похожа!

– Так это ж его жена. Кубинка. С Кубы привез.

– Кубинка? Ничего себе! Спасибо Вам. Извините. До свидания.

– Всего хорошего!

Муза идет к своему подъезду шокированная известием.

– Вот тебе и дела! Каков подлец! Я ему писала, писала, а он мне не ответил. Да еще жену с собой притащил. Я ему этого так не спущу. Хороша бы я была, если бы тогда порвала с доктором наук! Комсомолец! Сволочь такая! На машине катается! Ну, я ему устрою счастливую жизнь! Он у меня еще пожалеет!

Муза с остервенением дергает на себя парадную дверь и громко ее за собой хлопает.

Мария пробирается среди толпы на колхозном рынке. Останавливается у продавца-азербайджанца, торгующего зеленью и фруктами. Продавец сразу выделяет Марию из рядовых покупателей и начинает ее обхаживать и осыпать комплиментами. Мария теряется и хочет уйти, но продавец, улыбаясь золотозубой улыбкой, заваливает ее фруктами и зеленью, отказываясь брать с Марии деньги и приглашая ее приходиться за покупками только к нему одному. С большим трудом добившись от продавца стоимости набранного Марией товаров, она пытается всучить азербайджанцу деньги, но тот их упорно не берет. Тогда воспользовавшись моментом, когда продавец нагибается за упавшим яблоком, Мария кладет деньги под глиняный горшок, стоящий на прилавке, и уходит. Продавец причмокивает языком, провожая плотоядным взглядом Марию пока она не скроется в толпе, и начинает передвигать в волнении товар на прилавке. Тут он обнаруживает оставленные Марией деньги за купленный ее товар и еще больше сыпет комплиментами в адрес Марии.

Ершов входит в райком ВЛКСМ. В коридоре толпятся школьники, которых вот-вот будут принимать в члены комсомола. Девочки перешептываются, повторяют про себя положения Устава комсомола, какими орденами и за что был награжден комсомол, его численность. Ребята, бравадно хорохорятся, подначивают друг друга, толкаются и делят очередь, кому за кем идти в кабинет.

Из кабинета выходит парень – член бюро. Владимир говорит ему, что его вызвали на сегодня на заседание райкома и спрашивает, когда его примут. Парень в сером костюме и комсомольским значком с золотой веточкой на лацкане важно, официальным тоном отвечает ему, тыкая, чтобы он ждал, и приглашает очередного вступающего в ВЛКСМ в кабинет на процедуру приема в ряды комсомола.

Через некоторое время пунцовый, возбужденный школьник выходит с трясущимися руками из кабинета, нюхает корочку комсомольского билета, пахнущего клеенкой и типографской краской и радостно так выдыхает:

– Приняли!

На него тут же набрасываются другие кандидаты в комсомол с вопросами.

– Что спрашивали? Зверствовали? Нет? Покажи билет! Ух, ты! Пахнет!

Владимир снова обращается к члену бюро.

– Так когда же меня примут и кто?

– Подождешь! Видишь, идет прием в комсомол!.. Закончим с ними, займемся тобой.

– Попрошу обращаться ко мне на «вы».

Член бюро рассматривает Владимира уничтожающе, с ног до головы.

– Я сказал: «Жди!».

Владимир зло смотрит в глаза райкомовцу, отворачивается от него и, сев на крайний стул, устремляет взгляд в окно. Проходит час, другой. В приемной осталось пятеро школьников. Кто-то уже ушел домой. Кто-то ожидает своих приятелей и подружек во дворе райкома.

Грузин с шикарным букетом красных роз голосует на улице, и около него останавливается «Москвич». Но грузин делает ему рукой знак проезжать. Так же он поступает и с остановившейся около него белой «Волгой». Наконец, ему удается остановить «Волгу» черного цвета. Новую. «ГАЗ-24». Чего он и добивался.

– Подвезешь, генацвали? Здесь недалеко.

– Только если недалеко. Шеф отпустил на обед.

– Вот держи. Здесь 50 рублей. Ты должен подвезти меня к одному дому. Там один дэвушка должен проходить в это время.

– Не-е-е. Я ждать не могу! У меня обед. А потом шефу машину нужна будет.

– Ты меня не дослушал, генацвали. Вот тебе еще 50 рублей. Бери! Согласись, это, ведь, не мало!

– Не мало.

– От тебя-то всего и требуется единственное. Мы стоим десять-пятнадцать минут. В это время эта дэвушка идет обычно из магазина домой. Как только она к нам подходит, я выхожу из машины, а ты уезжаешь. И ты мне больше не нужен. Панымаешь?

– Ну, хорошо. Садись.

– Вот здесь останови, дарагой! И не забудь сделать самое главное. Когда дэвушка будет проходить мимо, я иду с цветами к ней, а ты из машины меня спрашиваешь, как будто ты мой личный водитель: «Отари Андросович, Вам машину завтра как всегда в девять утра подавать к Вашему подъезду?». Я тебе отвечу так: «Да, Миша, как всегда в девять к подъезду. А сейчас все. Ты свободен до завтра». Понятно? Ты это скажешь и прощай! Сделаешь, как я прошу?

– Сделаю. В лучшем виде.

Черная «Волга» подъезжает к высотному дому и останавливается у тротуара. Грузин, поглядывая на часы, ждет появления Марии. И вот он видит, что из Гастронома выходит Мария и идет домой как раз мимо поджидающего ее грузина. Когда девушка поравнялась с машиной, распахивается дверца, и из легковой машины вылезает красивый, молодой грузин с розами. Он направляется наперерез кубинке, и в это время водитель машины вылезает из машины наружу и спрашивает грузина.

– Отари Андросович, Вам завтра машину как всегда подать к девяти утра к подъезду?

– Да, Миша. Как всегда, к дому утречком.

– А сейчас, Отари Андросович, я могу быть свободен?

Грузин уже загородил собой дорогу Марии, которая вынуждена остановиться.

– Да. Конечно. Гуляй до завтра.

В это время водитель быстро идет от машины к грузину.

– Что еще, Миша?

– Отари Андросович, извините меня ради бога, но выручите меня до завтра. В ЦУМе куртки финские продают, «аляски», такие с капюшоном, знаете. Мне двухсот рублей не хватает. Одолжите, пожалуйста, до завтра.

Грузин опешил на мгновение, но, продолжая широко улыбаться Марии и красоваться перед ней, достает из толстого желтого портмоне две сторублевки и дает их водителю.

– Нет вопросов! Пожалуйста!

Водитель спокойно кладет деньги в карман.

– Вы очень щедрый, Отар Амбросиевич! Спасибо Вам большое. Завтра верну.

Грузин наклоняется к водителю и говорит тому шепотом на ухо:

– Молодец! Уважаю!!!

Водитель садится в машину и уезжает навсегда. Грузин протягивает Марии цветы, но та от них увертывается.

– Казаться доступной, но быть недотрогой, вот верх совершенства!

– Я кажусь Вам доступной?

– Девушка! Вы меня сразили наповал! Я у Ваших ног! Примите мой скромный букет! Только одно Ваше слово и такие букеты будут у Вас под окном каждое утро! Меня зовут Отари. Я к Вашим услугам!

– Но я не к Вашим!

Мария обходит грузина, но тот, не отставая от девушки, следует за ней по пятам...

За столом, застеленным зеленой скатертью, сидят шесть членов бюро во главе с Секретарем Райкома комсомола. Секретарь смотрит на часы.

– Так. Сколько там еще у нас осталось пропустить?

– Пять человек, – отвечает ему один из членов бюро.

Секретарь шепотом считает:

– Пять на десять. Пятьдесят. Мне в 15 часов надо быть в Горкоме партии. Опаздывать нельзя. Какие будут предложения? Переносим их на другой день? Неудобно. Они готовились.

– Может, запустим всех, кто остался, сразу? – предлагает другой член бюро.

Секретарь обводит свои суровым взглядом все членов бюро:

– Возражений нет? Давайте. Заводите остальных.

Член бюро, что сидит ближе всех к двери, выходит в коридор и приглашает на ковер разом всех оставшихся школьников и говорит Ершову:

– Заканчиваем. Скоро займемся тобой.

Ершов негодуя молча, не удостоивая его внимания, отворачивается от райкомовца и устался в окно, прошептав сквозь зубы:

– Щенок!

Через пятнадцать минут пятеро новоиспеченных комсомольцев со значками и членскими билетами в руках выходят из кабинета. Член бюро махом руки зовет Ершова, приглашая его пройти в кабинет:

– Причесался бы!

Ершов, пригладив волосы ладонью, вразвалочку входит в кабинет.

– Садитесь, товарищ Ершов, – Указывает ему Секретарь на стул для принимаемых в комсомол, стоящий в торце стола, за которым сидят райкомовцы.

– Спасибо, – Отвечает Владимир и садится на стул. Члены бюро устремили на Ершова свои ничего не обещающие ему хорошего взгляды. А Секретарь, наклонившись к члену бюро по его левую руку, спросил:

– Какое у нас дело к комсомольцу Ершову?

Другой член бюро, услышав это, встает, подходит к Секретарю и говорит ему на ухо:

– Письмо.

Секретарь приложил ладонь к виску как-бы что-то вспоминая:

– Ах, да! Так. Вы, товарищ Ершов, только что вернулись из служебной командировки в Республику Куба? Верно?

– Да.

– Вы женаты на кубинке и у Вас есть ребенок.

– Женился на кубинке. И ребенок есть.

– Вот мы и хотим Вас спросить, почему Вы, комсомолец, так ведете себя в быту?

– Как я себя веду? Конкретно.

– Конкретно? Пожалуйста! Измываетесь над своей женой, третируете ее, рукоприкладствуете, не уделяете никакого внимания ребенку. Привезли девочку себе с Кубы и теперь над ней измываетесь!

– Что-о-о? Третирую? Я измываюсь? Я? Над своей женой? Да Вы что несете? Вы что тут все с ума посходили? Откуда такие наговоры, эти бредни?

Один из членов бюро, как будто только этого и ждал, вскакивает и гневно мечет словесную тираду в Ершова:

– Ну и ну! Наши слова для него бредни. Нет, Вы все слышали? Как, да как Вы себя ведете в Райкоме комсомола? Вот! Он даже здесь себе такое позволяет! Мы здесь несем... Гнать его в три шеи из комсомола!

– Ершов! – поддержал своего коллегу другой член бюро, – Если Вы не прекратите так выражаться, мы с Вами поговорим по-другому. Хотите расстаться с комсомольским билетом? Мы Вам это устроим. И из армии Вас выставят в два счета.

– Я буду защищать свою честь, достоинство и имя где угодно. Перед Вами, в Горкоме комсомола, в ЦК ВЛКСМ, в суде! Все соседи подтвердят, что я люблю свою жену и ребенка и забочусь о них. И, если я тут что-то грубо высказался, сказал грубо, извините, конечно. Ну, не было ничего такого! Хотите приведу к Вам сюда свою жену, родителей. Не будет же мой отец, уважаемый человек, Вас обманывать? Или Вы ему тоже не поверите?

Пылкая, эмоциональная речь Ершова производит впечатление на Секретаря и на членов бюро, которые попрытали глаза и уткнулись в свои бумажки. Двое членов перешептываются. Секретарь в задумчивости теребит листочки бумаги и начинает укладывать их в папку. В кабинете устанавливается тишина.

– Хорошо, Владимир, э... Владимир? – Секретарь смотрит в бумаги.

– Максимович. Владимир Максимович. Кто Вам мог такое на меня наговорить? Как это не порядочно. Это чудовищно. Так оклеветать человека!

Секретарь негодующим взглядом окидывает по очереди всех райкомовцев:

– Мы верим Вам, Владимир Максимович! Если Вас кто-то пытается оклеветать, опорочить, мы с этого человека спросим со всей строгостью и ответственностью. Но не дай Вам, как говорится..., если Вы нам здесь говорите не правду! Мы тогда проведем расследование, и для Вас, если факты подтвердятся, может все очень плохо закончиться. Мы думаем, то есть, мы уверены, что советский офицер, комсомолец, должен быть, вернее сказать, и на самом деле хороший семьянин и любящий, заботливый муж и отец. Мы Вас не задерживаем больше. Держите высоко марку и честь комсомольца и готовьте себя уже сейчас к вступлению в КПСС. А для этого Вы должны быть активны, инициативны, дисциплинированы, честны, верны заветам Ильича. Всего хорошего!

– Всего хорошего!

Как только Ершов вышел из кабинета Секретарь напускается прежде всего на того члена бюро, который напоминал ему о подметном, как оказалось, письме.

– Вы что мне здесь...

– Есть письмо. Сигнал, так сказать. Мы посчитали должным на него отреагировать.

– Отреагировать. От кого письмо? Почему мне его не показали?

– Не хотели загружать, утомлять Вас.

– От кого письмо? Еще раз Вас, Голубев, спрашиваю!

– От какой-то Елены Быстровой.

– Вот именно от какой-то! Телефон, адрес этой Быстровой у Вас есть? Вы с ней хоть сначала переговорили по поводу ее письма. Нет? Значит, это анонимка! И писала это письмо никакая не мадам Быстрова! Вы понимаете, что меня подставили?! Вы, голубчики, дискреди-

тируете в моем лице весь ленинский комсомол! В такое положение своего Секретаря поставили! Позор! Мне так стыдно было! Я еще вернусь с Вами к этому вопросу! Жаль, что сейчас спешу, – А Вы, Голубев, Голубев Вы наш сизокрылый, пишите мне объяснительную. Все! Мы еще с Вами на эту тему побеседуем!

Владимир стоит около высокого, стройного часового в аксельбантах. Солдат цепким натренированным взглядом сверяет фотографию в документе с лицом оригинала и, захлопнув паспорт, возвращает его владельцу. Козырнув, пропускает Ершова в Генштаб.

В коридоре открывается дверь одного из кабинетов. Из нее выходит полный генерал-майор и бежит потный мимо Володи. Ершов, нервничая, прохаживается по коридору. Идущий мимо Владимира генерал-лейтенант приветствует его кивком головы. Володя, став по стойке «смирно» тоже ему кивает в ответ. От неожиданности, что с ним первым здоровается генерал, как-то растерянно и робко. Вскоре и Ершова приглашают за дубовую дверь, где его встречает полковник с золотой заколкой для галстука и широкой золотозубой улыбкой:

– А, женатик! Заходи! Заходи! Заждались. Садитесь. Тут, значит, такое дело. Отгуляли отпуск?

– Отгулял.

– Мы подумали... Поскольку в Москве сейчас нет потребности в переводчиках испанского языка...

Удивлению Владимира нет предела:

– Как так нет? В Москве и нет?

– Так! Нет! Сейчас нет!

– Я из Москвы никуда не поеду! Я – москвич.

Полковник багровеет и подсказывает на стуле:

– Поедите, лейтенант! Как миленький поедите! Куда пошлем, туда и поедите! Куда Вы денетесь? Присягу давали? Давали! Или желаете под военный трибунал? За дезертирство? Очень даже можем устроить! В Норильск тебя...

– Вас.

– В Норильск Вас, конечно, нельзя послать. Хотя следовало бы.

– Это почему следовало?

– Получили мы Ваше послание, в котором Вы клеветеете на уважаемого генерала.

– Понятно. Клевету?

– Клеветеете. Но товарищ генерал на Вас не в обиде. Возможно, Вы его с кем-то спутали или номер машины по ошибке не тот указали. Это хорошо, что Вы так реагируете на неприглядные вещи, которые, к сожалению, имеют у нас место иногда быть. Но уж Вы если решили на кого пожаловаться, то называйте фамилию, конкретно. А так все голословно. Очернительством это называется. Вот как! Бездоказательным очернительством! Поняли?

– Понял.

– Итак, на север мы Вас не пошлем. Там Ваша теплокровная супружница всё себе на свете отморозит. Короче, поедите, дружок, в Туркмению. В Янгаджу. Счастливо! В добрый путь!

Мария, Володя и их сынишка едут в поезде, идущий в Ашхабад. За окнами бурханы, сопки. В плацкартном вагоне жарко, душно. Мария поит Энрике водичкой из бутылки. На соседних сиденьях и полках разместились многодетная семья туркмен в национальной одежде. Туркменчата с визгом носятся по вагону. Вперед-назад. Вперед-назад. По проходу протискивается русская бабка и предлагает пассажирам конфеты на палочках из топленого сахара:

– Кому петушки, курочки и прочие фигурочки?

Детишки жалобно смотрят на мать, на бабуку, на сахарные конфетки, глотая слюньки. Но мать от них отмахивается. Мария достала из сумки пакетик с карамельками и дает по кон-

фетке двум ребятишкам. Тут же к ней подлетели еще четверо сорванцов с протянутыми ручонками:

– Дай! Дай! И мне!

Пакетик с конфетами быстро пустеет. Володя надувает ртом пустой пакетик и хлопает им о ладонь. От звука взрыва все вздрагивают. Мария замахнулась на Володю кулачком:

– Тише ты! Что делаешь? Ребенка напугаешь!

Володя, съезжившись, развел руками, мол, все, больше ничего в пакете нет и, скомкав, выбрасывает пакет в открытое окно.

– Зачем соришь?

Володя стыдливо опускает глаза.

– Больше не буду, Мария!

А туркменка детально и внимательно рассматривает Марию своими добрыми карими глазами:

– Ты кто, девонька?

– Я кубинка.

– То-то я смотрю ты какая-то не такая. Не нашенская, хоть и смуглая. Кубинка? Это с Кубы что ль? Это там, где Фидель Кастро живет? Да?

– Да, оттуда.

– Далеко же Вас угораздило! И ребеночек тоже кубинский?

– Это наш, общий!

– А Вы военный?

– Военный. Как Вы догадались?

– А если русские здесь, то в основном военные. И куда путь держите?

– В Янгаджу. Служить.

– Ах, в Янгаджу. Тогда туда добираться ой сколько! А мы вот в Ашхабад возвращаемся. А Янгаджа-это «Пойдешь-не вернешься», если по-русски. Знаете?

– А как же! Кто ж Янгаджу не знает?! – подыгрывает ей, шутя Владимир.

– А мы всей семьей домой. Перестань! – Мамаша ударяет по руке настырного пацаненка, усердно ковыряющего пальцем в носу.

На вокзале в Красноводске семью Ершовых встречает сержант с открытым «ГАЗ-69» из воинской части. Владимир и Мария знакомятся с водителем Сергеем, который грузит вещи в машину и даже крепит веревками сзади за сиденьями.

Водитель в выцветшей на солнце и пропитанной потом форме, в широкополой тоже светло-зеленой выгоревшей панаме с красной звездой везет семью Ершовых по пыльной дороге среди песков. На лицах Марии и Володи уныние. Шофер оказался и веселым, и разговорчивым.

– Не грустите, товарищ лейтенант. Это только на первый взгляд здесь тоскливо. Пообвыкните – привыкните. Здесь и айран есть, и кумыс для Вашего маленького. И шашлык, и люля-кебабы разные, бешбармаки. Пальчики оближешь! Правда, это все в городе. В Красноводске. Даже грибы здесь всякие водятся. Осенью. В сопках. Мы их собираем, когда в увольнении. И такие вкусные грибочки, прям, как у нас в Подмоскovie. Я, ведь, оттудова родом. Из-под Москвы. Из города Крюково.

– Соседи, Сергей, мы с Вами, значит. Мы из Москвы, но Крюково совсем рядом по Октябрьской дороге.

– Точно, почти соседи. Я до армии из Крюково в Москву на работу ездил. Вот только с водой здесь не важно. Привозная. А так два годика протянуть можно. А Вас насколько сюда?

– Бессрочная у меня ссылка. Шучу. Пока не знаю.

– Смотрите, какое здесь солнце! А воздух! Чистейший! Красота!

– Вижу. Лепота.

– А хотите я вам песню спою о нашем поселке. Сам сочинил!

– Ну, спой!

– Янгаджа, потерял я покой свой и сон.

Янгаджа, красотой я твоей опьянен.

Янгаджа, будь со мной хоть немного добра.

Видишь, грустный хожу, повторяя весь день Янгаджа, Янгаджа, Янгаджа!

– С Вами, сержант, не соскучишься.

– А то!

Навстречу им, клубя пылью во все стороны, идет колонна машин. Впереди такой же, как у них «ГАЗик» с автоматчиками. За ним два «КАМАЗа», оборудованные стальными клетками. В клетках толпятся стриженные наголо заключенные в наручниках, в серых шапках и робах с ярким оранжевым кругом-мишенью на спине и на груди. Около решеток на бортовых сиденьях трясутся четверо охранников с карабинами и овчарками. Замыкает колонну «УАЗик» тоже с солдатами и с пулеметом на водительской кабине.

– Это эски, – объясняет водитель Сергей Марии и Владимиру, – смертники, убийцы, там, разные, валютчики, казнокрады. Приговоренные к пожизненному, одним словом. Это их с урановых рудников везут. Здесь недалеко. Здесь товарищ лейтенант надо быть поосторожнее: беглые встречаются. Даже в городе. Да и граница рядом. Всякое бывает. А Вы знаете, как называется по-туркменски место, куда мы едем?

– Янгаджа, – отвечает Владимир.

– А как переводится это на русский, знаете?

– Знаю. «Пойдешь – не вернешься!»

– Откуда знаете, товарищ лейтенант?

– Я много чего знаю, – таинственно ответил Владимир.

Они с Марией многозначительно с печальными выражениями на лицах переглянулись. Владимир повернулся на зад, потянулся и поправил шапочку на голове сына.

Лейтенант Ершов входит в кабинет командира воинской части. Стоит по стойке «смирно» представляется командиру полка:

– Товарищ полковник! Разрешите обратиться.

Седой полковник встает из-за стола тоже по стойке «смирно».

– Обращайтесь.

– Лейтенант Ершов прибыл в Ваше распоряжение для прохождения дальнейшей службы.

– Вольно. Что же нам с Вами, Ершов, здесь делать-то?

Полковник садится и озадаченно приглаживает волосы.

– А зачем меня тогда сюда прислали? Или сослали? Я же переводчик испанского языка.

– Ну, это Вы бросьте, сослали. Раз направили, значит так надо. Тоже мне, декабрист нашелся. Борец с царизмом! Придумаем что-нибудь. Будете служить, как все тут служат. Испанскому нас обучать будете. Всех желающих. Ясно?

– Так точно. Ясно, товарищ полковник.

Владимир тяжело вздыхает.

– Не тужите, молодой человек. Все проходит. Послужите годик – другой и уедите обратно в свою столицу. Это вот мы... Ладно. Свободны. Размещайтесь, устраивайтесь. А завтра чтоб на службу. Сюда. Ребенку Вашему мы подумаем, как соответствующее питание организовать. У нас здесь с продуктами не ахти как, но верблюжье молоко, очень даже сытное и, я бы сказал, полезный напиток. В общем, поговорите с нашим военврачом. Он Вам подскажет, чем в наших условиях лучше ребенка кормить. Да и наш женсовет Вам поможет. Я распоряжусь. В беде не оставим. Вы здесь не один. У нас и ясли, и детский садик есть. От голода никто не умирал. Сегодня располагайтесь, а завтра – в штаб получать назначение по службе.

– Есть сегодня располагаться, а завтра явиться в штаб для получения назначения по службе! Благодарю, товарищ полковник. Могу быть свободен?

– Свободны.

– Честь имею!

Он разворачивается и шелкает каблуками.

– Вернитесь-ка, товарищ лейтенант! Что это еще за «честь имею»?! Вы эти свои старорежимные штучки бросьте! Сразу оставьте! Если не хотите неприятностей. Мы в Советской Армии! Здесь все честь имеют. Не только Вы! Ишь, чего он, понимаешь, имеет. Честь! А другие ее не имеют! Идите уж!

Полковник досадливо машет рукой, мол, все, хватит.

– Есть!

Ершов козыряет, делает разворот на 180 градусов и выходит из кабинета строевым шагом.

В офицерской столовой самообслуживания не многолюдно. Полно мух. Висят липучки и мухи на них. Николай Иванович, командир полка, намеренно занял очередь за майором Особого отдела воинской части.

– Приветствую! Чем сегодня нас побалуют, Евгений Степанович? – Обращается командир части к особисту.

– Забаловали нас макаронами. Уж невмоготу.

– Так ведь с мясом, по-флотски.

– Мясато кот заплакал, – Майор военной контрразведки показывает полковнику свою тарелку.

– Зато фигура, вон, какая у Вас стройная, спортивная. Никакого холестерина и отложения солей.

– Это точно. Холестерина у нас не наблюдается, – улыбается особист.

Офицеры садятся за столик и приступают к скромной трапезе: сначала супец— молодец, затем макарончики и, как всегда, на сладкое компот из сухофруктов.

– Ну, как Вам новоприбывший?

– Это «кубинец» -то? Поживем – увидим.

– Жинка его видная женщина. Одно слово мулатка!

– Это да! У неё не отнимешь.

– И чего его к нам направили? Как Вы, майор, думаете?

– Я ничего не думаю. Направили – значит надо!

– Так уж и ничего. Наверное, Вам, по Вашей линии, на него ориентировочку уже послали? Нет? Я просто так...

Майор неопределенно то ли кивает, то ли качает головой.

– Я это к тому, что некоторые жены косо поглядывают на супругу Ершова, зловедничают.

– А чего он добивался, женись на иностранке? Теперь вот и расхлебывает. Их же перед загранкой предупреждают, чтобы не было никаких любовных контактов с иностранками. А он нарушил. Женился. А теперь расхлебывает свое аморальное поведение.

– Вот! Вы меня правильно поняли. Мы с Вами, Евгений Степанович, не один год вместе служим и у нас всегда с Вами полное взаимопонимание. Практически во всем. Не стоило бы и говорить, но, – смеется полковник, – говорить-то иногда что-то ведь надо, если возникает какая-то новая проблема...

– Внимательно Вас слушаю, Николай Иванович.

– Мы служим с Вами в непростых, так скажем, специфических, условиях. На дальних рубежах. И самое главное у нас что? Не у Вас это спрашивать. Сами прекрасно знаете.

– Уж, во всяком случае, не военная подготовка, – Усмехается особист.

– Вы всегда зрите в корень, Евгений Степанович. За это я Вас и ценю, и очень уважаю. Да, военная подготовка, боеготовность у нас отработана и поддерживается на должном уровне.

Делаем вместе с Вами все возможное. Но не последняя наша задача-это сохранить, сблечь хорошие взаимоотношения людей в коллективе. Поддерживать наш, так сказать, внутренний микроклимат. Наш замполит, хоть и старается, работяга, один со всеми нашими проблемами один не справится. Мы все ему помогаем и будем помогать. Ваш отдел носит название «особого». Я понимаю, «особый» – это значит, особенный, непростой, незаурядный и так далее...

– Вы хотите сказать, что к Ершову должен быть необычный подход?

– Опять Вы правы! Как Вы меня понимаете! Да, необычный, не такой как ко всем подход к нему должен быть, только не в том смысле, что какой-то особенный, а скорее в том смысле особенный, что более человечный, я бы сказал. Как ко всем другим, но и не совсем. Я не могу тебе приказывать, но как бы тебе, Евгений Степанович, это сказать... Приехал человек с женой, с ребенком в такую глушь. Переживает. Ну, женился на иностранке. Провинился. Но не преступник же он. Не рецидивист или агент, какой. Кое-кто из наших ребят на него взелся: как же москвич! Москвичи – тоже люди! Не все там, в Москве, в меду купаются. Только нам с тобой не хватало парня совсем, как бы это поточнее выразиться, травмировать что ли. И его семью тоже, излишним, скажем, подозрением, недоверием. Какой он такой уж неблагонадежный? Диссидент? Нет! Или она? Она-то чем виновата? Влюбились. Молодые. Здесь по-людски с ними надо. Как нам с Вами совесть подсказывает. По совести тут надо. Чтобы не сплеховать и...

– Вот именно! Наша обязанность, долг, помогать людям. А там, как говорится, как сложится. Спасибо тебе, Евгений Степанович, что понял меня. Чтобы бы я без Вас делал?

– Ну, что Вы, Николай Иванович. Инструкции они, конечно, инструкциями...

– Но и о совести человеческой забывать не следует! А совесть это...

– Вот именно! Это совесть! Ваше здоровье, Николай Иванович!

Особист приподнимает стакан с компотом.

– Спасибо. И Ваше здоровье, Евгений Степанович.

Офицеры, улыбаясь, друг другу, чокаясь, выпивают свой компот, как сладкое «Шампанское».

Очередной женский четверг, собрание жен офицеров части, в красном уголке части. Портреты, плакаты, лозунги, телевизор. Принаряженные жены офицеров раскладывают на блюда свою домашнюю выпечку: пирожные, печенье, пирожки, крендельки. Все изделия собственного приготовления для всеобщей дегустации. Супруга командира части, дородная женщина с добрыми глазами, приглашает всех рассаживаться и оглашает тему сегодняшнего собрания – женского четверга.

– Сегодня, дорогие боевые подруги, перед Вами с докладом выступит Мария Ершова. Она нам расскажет о своей Родине – социалистической Кубе, о тех успехах, которых добился свободолюбивый кубинский народ в образовании, культуре, здравоохранении, сельском хозяйстве и промышленности. Пожалуйста, Мария, начинайте.

Мария робко, аккуратно строя фразы на русском, тщательно выговаривая слова, начинает свой рассказ. Жена комполка кивками головы, ее поддерживает, подбадривает. Все женщины доброжелательно и внимательно слушают Марию.

– ... На Кубе имеется более 8000 видов растений, от кактусовых, растущих в засушливых районах, до орхидей во влажных. Имеется множество деревьев драгоценных пород. Самым характерным элементом замечательных кубинских пейзажей является королевская пальма – стройная, горделивая, которая растет во всех районах и на любой почве. Национальный цветок-марипоса, белый цветок с тонким запахом, по форме напоминающий бабочку. На Кубе нет ни опасных хищников, ни опасных для человека ядовитых животных и млекопитающих. На Кубе живет самая маленькая птица в мире-колибри, птица-муха и токороро-национальная птица Кубы, которая отличается богатым оперением голубого, зеленого, серого, белого, черного и алого цветов. Вот, пожалуй, и все, что я хотела Вам рассказать о Кубе.

Когда Мария заканчивает свое выступление, все женщины ей хлопают, а затем подходят к столу, и каждая рекламирует, расписывает свою скромную и довольно однообразную собственноручную выпечку. Женщины пьют чай и обсуждают формы и вкусовые качества своих произведений кулинарного искусства.

После службы домой приходит Владимир и, поцеловав жену, протягивает ей письмо.

– От кого?

– На этот раз от Островского.

– Дай почитать. Надо же. Разродился. Молодец!

– Сейчас дам. Но послушай, что он пишет о наших «героях». Я имею в виду Рытова и Сапрунца. Вот. «Майора Сапрунца поймали с поличным. Он что делал? Хитро все проделывал, но все равно попался. Пользуясь нехваткой продуктов у кубинцев, он брал себе лишние продукты и товары в нашем специализированном магазине для иностранцев, обертывал их в полиэтилен и клал в помойный ящик возле дома. Перекупщики, спекулянты из него все это ночью, до того, как приедет утром мусорка, доставали, а потом ему, Сапрунцу, приносили песо. Причем продавал он эти товары и продукты по бешеным, спекулятивным ценам. А потом менял песо на сертификаты. Не знаю, кто его засек. Или сами кубинцы проследили, или обратили внимание наши, что он стал намного больше обменивать песо на чеки. Короче говоря, выслали его с Кубы и по последним данным хотели его разжаловать и отдать под суд. А Рытов обратно к себе уехал. В Москве ему отказали служить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.